« Blizhaishii konfident » : neformal'nye sviazi v biurokraticheskoi srede v Rossii XVIII v.

*« Un confident très proche » : les liens informels dans le milieu bureaucratique
en Russie au XVIIIe siècle*

*“A closest confidant”: Informal networks in eighteenth-century Russian
bureaucracy*

Galina O. Babkova

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/11051>

DOI : 10.4000/monderusse.11051

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2019

Pagination : 37-72

ISBN : 978-2-7132-2795-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Galina O. Babkova, « « Blizhaishii konfident » : neformal'nye sviazi v biurokraticheskoi srede v Rossii XVIII v. », *Cahiers du monde russe* [Onлайн], 60/1 | 2019, Выложить онлайн 01 janvier 2022, Наводить справки в 06 janvier 2022. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/11051> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.11051>

GALINA O. BABKOVA

«BLIZHAISHII KONFIDENT»:
NEFORMAL'NYE SVIAZI
V BIUROKRATICHESKOJ SREDE
V ROSSII XVIII V.

[« Un confident très proche » :
les liens informels dans le milieu bureaucratique en Russie
au XVIIIe siècle]

19 декабря 1741 г. бывший обер-секретарь Сената, а на тот момент статский советник и член Ревизион-коллегии¹ Авраам Степанович Сверчков был допрошен членами следственной комиссии по делу гр. А.И. Остермана, гр. Б.К. Миниха, гр. М.Г. Головкина и др.² Проводивших допрос в первую очередь интересовал характер взаимоотношений между подследственным и «господином Головкиным». Речь шла о гр. Михаиле Гавриловиче Головкине, который, как подозревали следователи, мог вступать со Сверчковым в «долгие конференции» о «наследстве престола российского» и о том, как препятствовать тому, «чему быть надлежало», т.е. отлучить от «законного Ея наследства» «ныне щастливо владеющую Государыню Императрицу» Елизавету Петровну³.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Выражаю глубокую благодарность Анне Жуковской, Майе Лавринович и Дмитрию Олеговичу Серову за ценные советы и комментарии. Отдельные слова благодарности рецензентам.

1. *Сенатский архив*, т. 2, Журналы и определения Правительствующего Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг., СПб., 1889, с. 377.

2. Показания подследственных см.: *Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы академиком П. Пекарским*, СПб., 1872, с. 154-160, 222-331; ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи), 1-е собр., т. XI, № 8506, с. 567-577.

3. РГАДА (Российский Государственный Архив Древних Актов), ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 22 об., 34; РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 468, оп. 39, л. 28.

Повышенное внимание к фигуре Сверчкова следственная комиссия объяснила фактом «поверенности», в которой допрашиваемый «чрез многия лета у него, графа Головкина, ... находился»⁴. На следующем допросе, который состоялся 8 января 1742 г., следователи еще четче сформулировали свои претензии к Аврааму Степановичу. С их точки зрения, он мог быть посвящен в дела бывшего вице-канцлера и кабинет-министра⁵, поскольку «по следствию уже явилось, то ты у графа Головкина ближайшей конфидент и по всяким ево приказным делам ему советы давал»⁶.

Биография А.С. Сверчкова реконструируемая на широком круге источников примечательна по нескольким причинам. Во-первых, она дает возможность очертить контуры социального пространства отдельного чиновника среднего звена в России первой половины XVIII в.; увидеть его не как некую монолитную, четко определенную и структурированную систему, а как сочетание/соединение ряда полей, обладающих разной степенью актуальности и реализованности в тот или иной момент. Во-вторых, она позволяет приблизиться к пониманию способов выстраивания и действия «хрупких» сетей практик, в рамках которых отдельные исторические фигуры посредством собственных карьерных, брачных, дружеских и т.д. стратегий осваивали и использовали объективирующие их государственные и властные институты, стремившиеся насадить легитимность и справедливость и минимизировать проявления субъективно-личного и «своевольного» в рамках рационально построенной системы государственного аппарата⁷.

Указанный подход приобретает особую актуальность, с одной стороны, в связи с явно наметившимися попытками ухода от сложившегося в историографии сословно детерминированного взгляда на общество в России XVIII в., об устройстве которого, как отмечает А.Б. Каменский, «мы до сих пор знаем лишь приблизительно»⁸. С другой стороны, он является следствием переосмысления самодержавия как типа властвования, при котором абсолютная власть монарха не предусматривает каких-либо иных отношений между

4. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 22 об.

5. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. Историческое исследование, СПб., 1911, с. 305-306.

6. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 37.

7. В.В. Волков, О.В. Хархордин, *Теория практик*, СПб., 2008, с. 11-16, 19-23; А. Людке, *История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти*, М., 2010, с. 58-59, 63, 67.

8. А.Б. Каменский, *Россия в XVIII столетии. Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти*, СПб., 2017, с. 6. См. также: Э.К. Виртшафтер, *Социальные структуры: разночинцы в Российской империи*, М., 2002; M. Confino, «The "soslovie" (estate) paradigm: Reflections on some open questions», *Cahiers du Monde russe*, 49, (4), October-December 2008, p. 681-699; E.K. Wirschafter, «Social categories in Russian Imperial history», *Cahiers du Monde russe*, 50 (1), Janvier-mars 2009, p. 231-250; D.L. Ransel, «Implicit questions in Michael Confino's essay: Corporate state and vertical relationship», *Cahiers du Monde russe*, 51 (2/3), April-September 2010, p. 195-210; A.B. Kamenskii, «Do we know the composition of the 18th century Russian society?» *Cahiers du Monde russe*, 55 (1/2), Janvier-juin 2014, p. 135-148.

автократом и подданными, кроме полного и безоговорочного подчинения. Его важность обусловлена ростом исследовательского интереса к многообразию форм социального взаимодействия отдельных индивидуумов и групп в России Раннего Нового и Нового времени. Указанный фокус, во-первых, предполагает выход за рамки описания и фиксации четко организованных и монолитных структур преимущественно в среде дворянства (прежде всего, фаворитов и различных семейных и/или институциональных кланов)⁹. Во-вторых, он концентрируется не только на явлениях и личностях крупного масштаба, но и влечет пересмотр роли зависимых лиц¹⁰. В подобном ракурсе при изучении неформальных отношений в институциональной сфере чиновники среднего звена приобретают значимость как ключевые фигуры системы государственного администрирования. Они перестают быть лишь расплывчатым фоном, который, будучи лишен самостоятельности, находился в состоянии постоянного разлада, спровоцированного необходимостью сочетать деятельность в

9. David Ransel, «Bureaucracy and Patronage: The View from the Eighteenth-century Russian Letter-writers», in F.C. Jaher, ed., *The Rich, the Well-born, and the Powerful: Studies of Elites and Upper Classes in History*, Urbana, 1973, p. 154-178; David Ransel, *The Politics of Catherine's Russia: the Panin Party*, New Haven, 1975; J.P. LeDonne, «Appointments to the Russian Senate», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, XVI (1), 1975, p. 27-56; B. Meehan-Waters, «Social and Career Characteristics of the Administrative Elite: 1689-1761», in W. McKenzie Pintner and D.K. Rowney, ed., *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth century*, Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980, p. 77-105; J.P. LeDonne, *Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984; J.P. LeDonne, «Ruling Families in the Russian Political Order. 1689-1825», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 28 (3-4), 1987, p. 233-293, 295-322; М. Раев, *Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи*, London, 1990, с. 61-62; V.A. Kivelson, «Kinship politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century political culture», in J. Burbank, D.L. Ransel ed., *Imperial Russia. New histories for the Empire*, Bloomington, 1998, p. 5-31; Geoffrey Hosking, «Patronage and the Russian State», *The Slavonic and the East European Review*, 78 (2), Apr. 2000, p. 301-320; Д. Хоскинг, «Система патроната и Российское государство», *Россия и мировая цивилизация: к 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова*, М., 2000, с. 415-435; М.М. Леонов, *Салон В.П. Меццеского: Патронат и посредничество в России на рубеже XIX–XX вв.*, Самара, 2008; И.В. Курукин, «Артемий Вольнский и его клиенты», Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен, отв. сост., А.В. Доронин, отв. ред. серии, *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750)*, М., 2013, с. 225-233.

10. «Патронат и клиента в России (материалы «круглого стола»)», *Новая политическая история: Сборник научных трудов* СПб., 2004, с. 272; Anna Joukovskaïa-Lecerf, «Hiérarchie et patronage: Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle», *Cahiers du Monde russe*, 47 (3), 2006, p. 551-580; Д.О. Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., М., 2008, с. 89-234; М.А. Киселев, «К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д.В. Волкова 1761-1763)», *История в эзо-документах: Исследования и источники*, Екатеринбург, 2014, с. 162-183; М.Б. Лавринович, «Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв.», *Российская история*, 2016, № 3, с. 91-110; М.Б. Лавринович, «Алексей Фёдорович Малиновский (1762-1840) : чиновник на службе истории», С.Н. Гуськов, отв. ред., *Чины и Музы*, Тверь, 2017, с. 72-93; M. Lavrinovich, «A Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies of a Moscow Official in the Late 18th and early 19th Centuries», *Cahiers du Monde russe*, 2018, 59 (1), p. 7-36; Д.О. Серов, А.В. Федоров, *Дела и судьбы следователей Петра I*, М., 2016; Д.О. Серов, А.В. Федоров, *Следователи Петра Великого*, М., 2018.

государственных интересах с нуждами и желаниями вышестоящих, и становятся акторами утрачивающего анонимность исторического процесса¹¹.

В этой связи попытка реконструкции неформальных связей, в которые был вовлечен А.С. Сверчков - обер-секретарь сначала Юстиц-коллегии, а затем Сената и бессменный глава канцелярии уложенных комиссий в течение почти 20 лет, - позволяет поместить взаимоотношения указанного рода в конкретный контекст. Она дает возможность увидеть разные уровни и обозначить разные векторы взаимодействия Сверчкова и окружавших его лиц. Представить их не как некую абстрактную сеть взаимоотношений, а неотъемлемую часть, с одной стороны, личного опыта, позволявшего приобрести и поддерживать определенную социальную позицию, а с другой – всей институциональной системы, таким образом сохранявшей стабильность в условиях нехватки кадров и подверженной изменениям политической и придворной конъюнктуры.

Вернемся к ответам Сверчкова на допросах, которые, напомним, состоялись 19 декабря 1741 г. и 8 января 1742 г. Оба раза Авраам Степанович отрицал факт каких-либо антигосударственных замыслов и действий — «разсуждений», «советов», «намереней», «шпионства и розведывания» — с целью отлучения Елизаветы от престола¹². При этом Сверчков признавал, что вел с Головкиным разговоры о государственных и административных делах, мотивируя это двумя причинами. Во-первых, тем, что еще при Петре I он был привлечен к разработке нового кодекса права и систематизации действующего законодательства. А во-вторых, фактом неоднократного обращения гр. Головкина, просившего предоставить выдержки и «экстракты» из различных законопроектов¹³. Относительно личных взаимоотношений с графом, то на первом допросе Сверчков отказался подтвердить наличие какой-либо «поверенности», которая связывала бы его и Михаила Гавриловича. Однако на втором допросе он согласился с тем, что давал Головкину разнообразные консультации по вопросам землевладения, регистрации сделок и т.д. Из этого же допроса становилось ясно, что Сверчков бывал в доме Головкина и лично знал его жену, Екатерину Ивановну, урожденную Ромодановскую, и ее мать, Анастасию Федоровну Ромодановскую, урожденную Салтыкову¹⁴. Также из слов Авраама Степановича следовало, что его знакомство с Головкиным произошло только потому, что он «Василия Федоровича Салтыкова не оставлял», а также в связи с работой Сверчкова в Сенатской конторе¹⁵.

Из показаний не совсем понятно, о каком из двух Василиев Федоровичей Салтыковых идет речь. В одном случае Сверчков называет «дядю» Головкина

11. Ransel, «Bureaucracy and Patronage...», p. 154-178; Don Karl Rowney, Walter M. Pinter, «Officialdom and Bureaucratization: An Introduction», *Russian Officialdom*, p. 3; Людтке, *История повседневности в Германии*, с. 53, 60.

12. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 35 об.

13. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 34 об. – 35.

14. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 39.

15. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 34 об.

и говорит о «милостях» к нему и «жалованьи деньгами» со стороны императрицы, т.е. имеет в виду Василия Федоровича, дядю Анны Иоанновны, который приходился родным братом Прасковье Федоровне Салтыковой и А.Ф. Ромодановской, теще Михаила Гавриловича. Имевший чин кравчего (с 1690 г.), а 1724 г. ставший обер-шенком В.Ф. Салтыков был близок ко двору Прасковьи Федоровны, а после ее смерти – Екатерины и Прасковьи Ивановны. Как известно, взойдя на престол, Анна Иоанновна приблизила его к себе, пожаловала графский титул, сделала действительным тайным советником и 6 марта 1730 г. назначила московским генерал-губернатором. Однако он скончался вскоре после этого, 7 октября 1730 г., поэтому если Сверчков и мог при нем «состоять», то к 1741 году эти отношения уже не имели никакого значения¹⁶. В допросе Авраам Степанович пытался подчеркнуть свою близость со вторым Василием Федоровичем Салтыковым, тоже родственником Анны Иоанновны, который с 1732 г. исполнял должность генерал-полициймейстера Санкт-Петербурга¹⁷. В 1741 г. он поддержал Елизавету Петровну, получил чин генерал-аншефа, а впоследствии фельдмаршала¹⁸. В контексте изменившейся политической конъюнктуры подобного рода поведение Сверчкова выглядело

16. РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 241, 366; Сб. РИО, СПб., 1898, т. 101, с. 437; *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век*, т. II. (1725-1740), СПб., 1875, № 3730; *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве*, отдел I-й, т. I, СПб., 1909, № 336, с. 79; ПСЗРИ, 1-е собр., т. III, № 1711, с. 661; т. VIII, № 5679, с. 367; О.Г. Агеева, *Императорский двор России, 1700-1796*, М., 2008, с. 21, 73, 224; А.В. Захаров, *Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства*, Челябинск, 2009, с. 283; Н.Н. Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740)*, М., 2014, с. 151; О В.Ф. Салтыкова см.: В.И. Семевский, *Тайный сыск Петра I*, Смоленск, 2000, с. 53-67; *Русский биографический словарь: Сабанеев – Смыслов*, издан. под наблюдением ... А.А. Половцова, СПб., 1904, т. 18, с. 74-75.

Борис Останков, служитель А.П. Волынского, осенью 1730 г. сообщал в письме последнему: «Кравчий Василий Федорович Салтыков скончался и погребен в Вознесенском монастыре сего октября 10- го числа» («Из переписки А.П. Волынского», *Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Каширевым*, СПб., 1872, т. 2, с. 217).

17. Именной указ состоялся 29 августа 1732 г. (ПСЗРИ, 1-е собр., т. VIII, № 6164, с. 911). Именным указом от 28 января 1734 г. В.Ф. Салтыков был пожалован в генерал-адъютанты (РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 493). См. также: РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 473; ПСЗРИ, 1-е собр., т. VIII, № 6170, 6186, 6190, 6220, 6225, с. 913, 925, 930-931, 946, 949; т. IX, № 6529, 6532, 6591, 6692, 6703, 6746, 7113, с. 252, 254, 355, 482, 489, 529, 994; т. X, № 7156, 7300, 7301, 7460, 7561, 7607, 7842, с. 17-18, 193, 368, 458, 547, 808-809; Сб. РИО, Юрьев, 1905, т. 120, с. 297-298; Юрьев, 1906, т. 124, с. 85, 476.

18. Е.Б. Смилянская, «Скандал в благородном семействе Салтыковых: пагубные «страсти» и суеверия в середине XVIII века», Е.Е. Рычаловский, отв. ред., *Россия в XVIII столетии*, вып. 1, М., 2002, с. 75-76.

Жена В.Ф. Салтыкова, Мария Алексеевна, урожденная Голицына, в 1741 г. была пожалована в статс-дамы за участие ее мужа в заговоре с целью возведения Елизаветы Петровны на престол (П.Ф. Карабанов, *Гофмейстрины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. Списки П.Ф. Карабанова, приведенные в порядок, дополненные и обставленные кн. А.Б. Лобановым-Ростовски*, СПб., 1872, с. 20). В 1743 г. В.Ф. Салтыков получил «Остерманов двор» на Английской набережной, впоследствии на этом месте был построен каменный дом гр. А.П. Бестужева-Рюмина (РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 998; А.И. Богданов, *Описание Санкт-Петербурга*, СПб., 1997, с. 55-56).

вполне логичным. С одной стороны, он стремился минимизировать всякие связи с находившимся под следствием гр. М.Г. Головкиным, а с другой, – признавая свою причастность к политическому кластеру семьи Салтыковых¹⁹, среди его представителей называл тех, кто либо ушел из жизни, либо проявил лояльность к новой власти. Со своей стороны гр. Головкин, будучи допрошен о Сверчкове, показал, что не привлекал его к какой-либо антигосударственной деятельности, а обращался к нему по государственным и личным вопросам – за «советами по публичным и домашним делам» – по причине хорошего знания действующего законодательства²⁰.

Обращение к комплексу разнородных источников (делопроизводственных, актовых, законодательных и законопроектных, личного происхождения и т.д.) позволяет уточнить показания Сверčkова и показать, что созданная им картина взаимоотношений с представителями высшего эшелона власти была намного богаче, чем Авраам Степанович пытался представить, а его контакты с гр. М.Г. Головкиным выходили далеко за рамки личных дел последнего. Они оказывали реальное влияние на течение государственных дел и были вpleтены в сложный и противоречивый контекст неформальных сетей, являвшихся неотъемлемой частью административной жизни в России первой половины XVIII в.²¹

В данном контексте встает несколько вопросов, которые могут быть условно разбиты на три взаимосвязанных блока. Первый из них связан с административно-служебной составляющей отношений между А.С. Сверчковым и теми чиновниками высшего звена, которые ему покровительствовали — гр. А.А. Матвеевым, А.В. Макаровым, гр. М.Г. Головкиным. Почему данные персоны способствовали карьерному росту Сверčkова и включали его в число приближенных лиц? Что было источником их заинтересованности в Сверчкове? Каким образом он через решение чисто административных вопросов (например, восстановление должности экзекутора в Сенате) вовлекался в придворную борьбу, которая особенно разгорелась во второй половине 1730-х гг. в связи с ростом влияния А.П. Волынского. Второй блок вопросов нацелен на выявление значения Сверčkова в неформальной иерархии. Анализ характера его участия в деле иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова, а также сюжет, связанный с В.Н. Татищевым и неотправкой на Урал требуемых штатных единиц, даст возможность очертить круг лиц, с которыми контактировал Сверчков. Помимо этого он позволит обозначить основные линии, по которым особое положение Сверčkова при гр. Головкине использовалось в качестве возможного административного рычага. Материальные, финансовые, символические следствия «конфидентства» у гр. М.Г. Головкина будут в центре третьего блока работы.

19. LeDonne, *Ruling Russia*, p. 24.

20. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 41; РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 15, л. 28-28 об.

21. Ransel, «Bureaucracy and Patronage..», p. 161; С.В. Польской, «Двор и «придворное общество» в послепетровской России», *Правящие элиты и дворянство*, с. 333, 344-348.

«Указы помнил»: карьера А.С. Сверчкова

Последние слова из показаний гр. М.Г. Головкина о Сверчкове: «указы помнил», - как нельзя лучше, характеризуют карьерный путь Авраама Степановича, который был связан с уложенными комиссиями, действовавшими в России 1720-х – начале 1740-х гг.²² С 1721 г.²³ по январь 1742 г. сначала как обер-секретарь Юстиц-коллегии (с 16 мая 1721 г.)²⁴, а затем Сената (с 1 июня 1726 г.)²⁵ Сверчков бессменно возглавлял канцелярии данных комиссий²⁶, являясь, как писал В.Н. Латкин, «душою всего дела составления нового Уложения»²⁷.

22. Об уложенных комиссиях в России 1720-х – 1740-х гг. см.: М.М. Сперанский, «Обозрение исторических сведений о Своде законов», М.М. Сперанский, *Руководство к познанию законов*, СПб., 2002, с. 126-130; В.Н. Латкин, *Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование*, т. 1, СПб., 1887, с. 1-80; С. Peterson, *Peter the Great Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception*, Lund, 1979, p. 306-307, 340-345; Idem, «Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720-1725», D. Tamm, red., *Danske og Norske Lov i 300 år*, København, 1983, s. 369-404; О.А. Омельченко, *Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века): Учебное пособие*, М., 1989, с. 8-11; М.В. Бабич, *Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени*, М., 2003, с. 130-135, 270-274; А.С. Замуруев, *Работы разных лет*, Псков, 2006, с. 6-367; Д.О. Серов, *Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование*, М., 2009, с. 136-140, 384-402; Д.О. Серов, ««У сочинения Уложения российскою с шведким бытъ...»: Уложенная комиссия 1720 г. и ее труды», Т.Е. Новицкая, ред., *Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей*, М., 2012, с. 139-160.

23. Назначение А.С. Сверчкова в канцелярию уложенной комиссии последовало 19 августа 1720 г., с 30 января 1721 г. он начал постоянную посещать заседания комиссии (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. I а, л. 19 об.; Замуруев, *Работы разных лет*, с. 21).

24. РГАДА, ф. 248, оп. 7, кн. 374, л. 592-592 об.; оп. 12, кн. 648, л. 108-110; ф. 286, оп. 1, д. 41, л. 529; ПСЗРИ, 1-е собр., т. V, №3436, с. 739; Л.М. Балакирева, *Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия. Учебное пособие*, Новосибирск, 2003, с. 138, 160; Л.М. Балакирева, «Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии», А.А. Преображенский, отв. ред., *Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой*, Москва-Новосибирск, 2000, с. 204; Д.О. Серов, *Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I*, Новосибирск, 1996, с. 247; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 69.

25. РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 279; ф. 286, оп. 1, д. 165, л. 71; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 69; *Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода*, т. 1, (1542-1721), СПб., 1868, с. CCCLIII; т. 7, (1727 г.), СПб., 1885, с. 2-3; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 1920, с. 39; *Сенатский архив*, т. 2, Журналы и определения Правительствующего Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг., СПб., 1889, с. 282, 289.

26. РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 613, л. 147а-150 об.; ф. 286, оп. 1, д. 86, ч. 1, л. 248, 286, 300; ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 31-34 об.; д. 9, ч. 2, л. 23, 24, 27-31, 35-36 об. и т.д.; д. 9, ч. 3, л. 5-6, 10, 12, 13 об., 15, 20.

Характерна помета, сделанная напротив фамилии Сверчкова в ведомости о приказных служителях, которые в 1720-1738 гг. решением Сената были назначены в уложенную комиссию: «По делам явствует, что был с [1]722 году, а с которого числа подлинного известия нет» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 6).

27. Латкин, *Законодательные комиссии*, с. 80.

РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 613, л. 147а-150 об.; ф. 286, оп. 1, д. 86, ч. 1, л. 248, 286, 300; ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 31-34 об.; д. 9, ч. 2, л. 23, 24, 27-31, 35-36 об. и т.д.; д. 9, ч. 3, л. 5-6, 10, 12, 13 об., 15, 20. См. также: Латкин, *Законодательные комиссии*, с. 24, 28-29, 34, 43, 44, 58, 60, 62, 72, 74, 75, 77-80; Серов, *Строители империи*, с. 247; Замуруев, *Работы разных*

В обозначенный период при непосредственном и активном участии Сверчкова велась работа над различными частями будущего кодекса права - уголовной, процессуальной и регулирующей земельные вопросы. Также были систематизированы и каталогизированы действующие законодательные источники.

Хорошему знанию законодательства, на которое ссылался гр. М.Г. Головкин, говоря, что Сверчков «высматривал» его крепости, способствовал и тот факт, что Авраам Степанович некоторое время возглавлял Крепостную контору²⁸. Характерно, что косвенно Сверчков был косвенно причастен к разработке указа «О форме суда», в конце октября 1723 г. он находился среди тех членов уложенной комиссии, которые представили подготовительные материалы Петру I²⁹, работавшему над этим законодательным актом³⁰. Во второй половине 1730-х гг. Сверчков сам составил ряд проектов, касающихся уголовно-процессуального и административного права («Об удержании пытки в малых делах», «О уменьшении письма, каким порядком поступать»³¹). Заслуги и усилия А.С. Сверчкова не остались незамеченными: именным указом от 2 января 1741 г. он был пожалован в статские советники и, таким образом, получил потомственное дворянство³². 8 января того же года последовало назначение Авраама Степановича членом Ревизион-коллегии с предписанием продолжить законотворческую деятельность³³.

Подобная карьера весьма примечательна, особенно если учитывать тот факт, что Сверчков не принадлежал к семьям наследственных приказных служителей³⁴, а был выходцем из податных слоев — государственных

лет, с. 21, 28, 33, 40, 48, 51, 53, 70, 85, 92, 94, 104-107, 128-131, 139; Серов, «У сочинения Уложения российского с швецким быть...», с. 150, 152; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 50, 942-944, 947.

28. ПСЗРИ, 1-е собр., Т. V, № 3436, с. 739.

29. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. I а, л. 100 об. — 101 об., 103 об.

30. Н.А. Воскресенский, *Законодательные акты Петра I*, М., 1945, т. I (Указы о высших государственных установлениях), с. 390-404.

В «Ведомостях о Коллегии юстиции служителям...» за июль и октябрь 1723 г. напротив «обер-секретаря Авраама Сверчкова» сделаны пометы «в Сенате при сочинении уложения» (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 2, л. 370, 418 об.).

31. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 31; д. 37, ч. 1, 4; д. 9, ч. I а, л. 518 об.; Е.В. Акельев, Г.О. Бабкова, ««Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают». Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в.», *Cahiers du Monde russe*, 53 (1), Janvier-mars 2012, p. 26, 30-31.

32. РГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 129, л. 44 а об.; д. 133, л. 86; РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 17 об.; *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век*, т. III, СПб., 1878, № 8120, с. 19; *Сенатский архив*, т. 2, с. 363-364.

33. *Сенатский архив*, т. 2, с. 377, 537-538, 612-613.

34. О родственных связях среди штата Юстиц-коллегии см.: Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 162-163.

крестьян Нижегородского уезда³⁵. Скорее всего, А.С. Сверчков родился в 1692 г.: именно этот год высчитывается на основании завещания, которое он составил осенью 1755 г.³⁶ На начальных этапах карьерные успехи Сверчкова, были обусловлены, в первую очередь, его способностями, позволявшими, как следовало из доношения Сената в Верховный тайный совет от 4 октября 1727 г.³⁷, с успехом исполнять обязанности обер-секретаря Сената и параллельно разрабатывать отдельные части нового кодекса - «при новом уложении готовить проекты»³⁸. Для канцелярских служащих не укорененных в приказном мире через родственные связи указанное качество, как представляется, являлось первопричиной, позволявшей в дальнейшем рассчитывать на особое расположение, «милость», вышестоящего начальства. Профессиональные способности закладывали «фундамент» будущего благополучия и становились мотивирующим фактором для продвижения по службе³⁹.

В Юстиц-коллегии А.С. Сверчков, действительно, сделал успешную профессиональную карьеру, которая в условиях максимальной загруженности работой была бы невозможна, не проявляй он соответствующей высоким запросам ответственности и усердия. 2 марта 1719 г. по решению

35. Серов, *Строители империи*, с. 154-155; Д.О. Серов, *Администрация Петра I*, М., 2007, с. 68; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 69; Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 328-329; Galina O. Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov and “embezzlers”»: Family connections within Russian bureaucracy in the first half of the 18th century», *Cahiers du Monde russe*, 57 (2-3), 2016, p. 616, 637.

36. Завещание было записано 26 ноября 1755 г. со слов А.С. Сверчкова. В нем он назвал свой точный возраст, 64 года, и, связав его с именинами, указал, что «окончилось мне сего [1]755-го году октября 22-го дня отроду шездесят три года» (РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 7, д. 22569, л. 34; «Духовное завещание статского советника А.С. Сверчкова о передаче денег и векселей в опеку Московскому университету», отв. ред. Е.Е. Рычаловский, сост., вступ. статья и прим. Д.Н. Костышина, *История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов, т. 1: 1754-1755*, М., 2006, с. 283).

Д.О. Серов, впервые опубликовавший краткие биографические сведения об А.С. Сверчкове, приводит другую дату – 1687 г. Она высчитывается на основании данных переписи жителей Санкт-Петербургского острова (май 1718 г.) и вызывает вопросы в связи с тем, что сведения о возрасте Сверчкова, скорее всего, были записаны со слов третьего лица (РГАДА, ф. 26, оп. 1, ч. III, кн. 8663-8947, л. 185; Серов, *Строители империи*, с. 247; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 69; Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov...», p. 616-617).

37. Сб. РИО, СПб., 1889, т. 69, с. 510.

38. См. подписи А.С. Сверчкова как обер-секретаря Сената в 1726-1730 гг.: РГАДА, ф. 265, кн. 57, л. 11, 185 об., 186, 187 об., 188, 189 об., 190, 269 об.; Сб. РИО, СПб., 1887, т. 56, с. 71, 159, 163-165, 173; СПб., 1888, т. 63, с. 418, 419, 475, 512, 566, 635, 654, 728, 807, 835; т. 69, с. 8, 24, 82, 94, 101, 102, 118, 120, 203, 219, 451, 452, 490, 510, 762, 910; СПб., 1891, т. 79, с. 43; СПб., 1893, т. 84, с. 536.

Помимо этого в 1720-х гг. А.С. Сверчков привлекался к рекетмейстерским делам и ревизии счетов в Юстиц-коллегии (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. I а, л. 39, 47, 56, 57, 94 об., 280 об.)

39. М.В. Данилов, «Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762)», Е.В. Анисимов, сост., вступ. ст., коммент., *Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы)*, Л., 1991, с. 341.

коллегии Сверчков был назначен главой только что созданной Крепостной канторы, 27 февраля 1721 г. последовало его пожалование в чин коллежского секретаря. В 1719-1722 гг. он, вместе с секретарем Л. Колошиным, возглавлял канцелярию коллегии, надзирая за ведением делопроизводства. 16 мая 1721 г., как отмечалось выше, Сверчков стал обер-секретарем Юстиц-коллегии⁴⁰. Не менее эффективным было и его руководство Крепостной канторой: Юстиц-коллегия не вернула ни одного дела в силу его неподготовленности, при этом средний срок регистрации актов составлял 10 дней⁴¹. Для полноты картины стоит добавить, что весной 1722 г. советник Юстиц-коллегии Сигизмунд Адамс Вольф жаловался президенту коллегии А.А. Матвееву на Сверчкова и «конфузный порядок» ведения дел в канцелярии данного государственного органа. В качестве причины Вольф указывал на тот факт, что параллельно с коллежской деятельностью Сверчков руководил Крепостной канторой. Обвинения Вольфа не могут быть проверены, поскольку отсутствует протоколы Юстиц-коллегии за 1719-1721 гг. Важно, однако, отметить два момента. Во-первых, реакции на жалобу не последовало ни со стороны Матвеева, ни со стороны его преемника гр. П.М. Апраксина. Во-вторых, проблемы с организацией делопроизводства были в целом характерной чертой деятельности коллегий на начальных этапах их существования⁴².

В этом контексте внимания заслуживает характеристика, которую в 1726 г. дал Сверчкову первый президент Юстиц-коллегии Андрей Артамонович Матвеев⁴³, по представлению которого в ноябре 1718 г. Авраам Степанович, до этого подьячий Расправной палаты был назначен в Юстиц-коллегию⁴⁴. Матвеев особо отмечал профессиональную компетентность Сверчкова, отзываясь о ней примерно в тех же выражениях, что и впоследствии гр. М.Г. Головкин. В силу именного указа от 8 февраля 1726 г. А.А. Матвеев должен был отправиться в Москву с целью сенатской ревизии Московского региона. Ему предписывалось проинспектировать деятельность провинциальных судов, а также земских комиссаров и офицеров при сборе подушной

40. РГАДА, ф. 248, оп. 12, кн. 648, л. 108-110; ПСЗРИ, 1-е собр., т. V, № 3436, с. 739; Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 160-161, 163, 196-197, 261-262, 264, 267, 297, 299, 300; Балакирева, «Создание Крепостной канторы...» с. 204; Серов, *Строители империи*, с. 247; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 69. См. также анализ назначений А.С. Сверчкова в Юстиц-коллегии (Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 330).

41. Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 299-300.

42. Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 196, 199-200; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 24.

43. А.А. Матвеев возглавлял Юстиц-коллегию с 15 декабря 1717 г. по апрель 1722 г. (Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 57).

44. Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 138, 145.

Отмечу, что, как показало блестящее исследование Л.М. Балакиревой, несмотря на трудности, связанные с комплектованием штата Юстиц-коллегии, А.А. Матвеев стремился изначально привлекать в указанную институцию тех подьячих, который уже обладали соответствующей специализацией и были «заобычны» к ведению и «отправлению именно гражданских и уголовных дел» (Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 150-151).

подати. Со своей стороны, 14 февраля 1726 г. Матвеев обратился в Кабинет Ее Императорского величества с рядом просьб, связанных с новым назначением. В частности, он отмечал, что для осуществления контроля необходимо было «собрать» и знать действующее законодательство — все «права, указы, регламенты, инструкции», состоявшиеся в Сенате и коллегиях по 1726 г. включительно. По мнению Матвеева, с этой задачей мог справиться только «известный приказной человек», а именно обер-секретарь Авраам Сверчков, которого Матвеев просил назначить к себе⁴⁵.

Назначение не последовало, но, как отмечалось выше, через несколько месяцев после представления А.А. Матвеева, 1 июня того же 1726 г., Сверчков стал обер-секретарем Сената. На этом этапе продвижению Авраама Степановича способствовал кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, являвшийся одной из важнейших фигур, которая в годы правления Петра I и особенно при его преемнице Екатерине I обеспечивала доступ к возможности быстрого и оперативного решения как разного рода государственных вопросов, так и личных проблем⁴⁶. А.В. Макаров хорошо знал Сверчкова по уложенной комиссии: в 1721-1725 гг. они состояли в переписке по вопросам деятельности комиссии⁴⁷. Не исключено также, что еще в 1718 г. Сверчков был рекомендован А.В. Макарову тестем последнего Иваном Петровичем Топильским, под началом которого Авраам Степанович некоторое время служил во второй половине 1710-х гг. В 1750-е гг. уже после выхода в отставку Сверчков поддерживал отношения с сыном Ивана Петровича, статским советником Иваном Ивановичем Топильским⁴⁸.

Летом 1726 г. по просьбе А.С. Сверчкова именно А.В. Макаров хлопотал перед канцлером Гавриилом Ивановичем Головкиным о выдаче Сверчкову патента на чин обер-секретаря и добился успеха⁴⁹. Возможно, что свою лепту в это внесли и дружеские отношения между А.В. Макаровым и А.А. Матвеевым: «милостивый приятель» Алексей Васильевич был регулярным корреспондентом Матвеева и нередко оказывал ему помощь в решении вопросов,

45. Сб. РИО, СПб., 1886, т. 55, с. 201-205, 252.

46. Н.И. Павленко, *Птенцы гнезда Петрова*, 2-е изд., М., 1988, с. 280-287; Е.В. Анисимов, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*, СПб., 1997, с. 283-285; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 54-55; И.В. Курукин, *Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России*, Рязань, 2003, с. 94, 124; И.В. Курукин, *Артемий Волинский*. М., 2011, с. 62, 63, 109; Польской, «Двор и «придворное общество» ...», с. 345.

47. Запросы от А.В. Макарова на имя Сверчкова по данному вопросу также отправлял тогдашний обер-секретарь Сената Анисим Семенович Маслов (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. I а, л. 57 об – 58; Латкин, *Законодательные комиссии*, с. 28 - 29.)

48. Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 125, 329; Серов, *Строители империи*, с. 155-156; Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 54, 76; Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov...», p. 626.

49. РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 279, л. 1-2.

связанных, к примеру, с комплектованием штата Юстиц-коллегии⁵⁰. Тесное взаимодействие между Макаровым и Матвеевым, а также включенность в этот круг Сверчкова были хорошо известны. Так, в ноябре 1724 г. неизвестный автор подметного письма, подброшенного во дворец в Санкт-Петербурге и содержавшего, как отмечает публикатор данного источника Дмитрий Олегович Серов, ряд сведений «высокой степени достоверности», настоятельно подчеркивал тот факт, что Матвеев был «весма одолжен» от Макарова. В письме также приводились некоторые эпизоды из деятельности Юстиц-коллегии, Вышнего суда⁵¹ и других центральных органов, в которых совместными «происками» А.А. Матвеева и А.В. Макарова якобы совершались деяния, противные государственным интересам. Автор письма, в частности, указывал, что под их влиянием принимались «неправые» решения; тормозилось рассмотрение неправомочных сентенций; производились незаслуженные назначения на должности⁵². Сверчков, даже если и был вовлечен в подобного рода активность, то лишь опосредованно. Так, автор письма сообщал, что он будто бы «произвел» в «милость» к А.А. Матвееву некоего «Кушелева», т.е. Егора Андреевича Кушелева, который был взят в штат Юстиц-коллегии. Затем благодаря влиянию Матвеева Е.А. Кушелев был назначен ассессором в Вотчинную коллегию. Служа в коллегии, Кушелев и другие коллежские члены покрывали незаконные проступки («непорядочные дела», «преступление указов» и «противности») судьи коллегии Феодосия Семеновича Манукова⁵³, зная, что последний «силен протекциею Макаровою» и будучи в числе тех чиновников, «что посажены по случаю своих патронов»⁵⁴.

Детально исследовавшая первые годы деятельности Юстиц-коллегии Лидия Михайловна Балакирева обоснованно доказала безосновательность тех обвинений, которые были выдвинуты против гр. А.А. Матвеева как главы коллегии. Приводимые в письме сведения относительно А.С. Сверчкова как лица, способствовавшего карьерным успехам Е.А. Кушелева, также не находят подтверждения⁵⁵. Тем не менее, они позволяют приблизиться к пони-

50. Серов, *Строители империи*, с. 22; Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 125, 137-138, 140, 172-173, 180, 276.

51. А.А. Матвеев возглавлял Вышний суд с января 1723 г. по февраль 1726 г. (Серов, *Администрация Петра I*, с. 56).

52. Серов, *Строители империи*, с. 151, 153-156; Анисимов, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого*, с. 286-287.

53. В указанный период Ф.С. Мануков исполнял обязанности «первоприсутствующего» в Вотчинной коллегии; 5 ноября 1725 г. был назначен ее вице-президентом. Впоследствии как член уложенной комиссии Мануков сотрудничал с А.С. Сверчковым (Серов, *Администрация Петра I*, с. 55).

54. Серов, *Строители империи*, с. 156.

55. Е.А. Кушелев в чине коллежского ассессора был назначен членом Юстиц-коллегии 8 июля 1719 г. В 1722 г. последовало его назначение в Вотчинную коллегию; в должность Кушелев вступила в 1723 г. До этого он служил в армейских полках и в «Выборгском шквдроне». С 1717 г. до 1719 г. в должности комиссара Кушелев инспектировал

манию того, каким образом характер взаимоотношений, существовавших между А.В. Макаровым, А.А. Матвеевым и Авраамом Степановичем виделся и интерпретировался автором письма, принадлежавшим к тому же кругу чиновников среднего эшелона. С точки зрения последнего, находившийся в сфере влияния Матвеева и Макарова Сверчков выступал, скорее, как посредствующее звено, связывающее тех, кто мог оказать покровительство, с теми, кто в нем нуждался и в ответ был готов проявлять лояльность. В терминологии исследовавшей патрон-клиентские связи во Франции раннего Нового времени Ш. Киттеринг, А.С. Сверчков относился к категории «посредников» (go-betweeners), которые входя в ту или иную клиентскую сеть и не обладая собственными ресурсами, т.е. влиянием, репутацией, информацией и т.д., обеспечивали доступ к влиятельным людям. Подобного рода активность, с одной стороны, не вела к установлению личных связей и не обязательно предполагала материальное вознаграждение, однако с другой – она гарантировала определенное положение в системе неформальных отношений⁵⁶. В ее рамках позиция Сверчкова не имела самостоятельного значения и напрямую зависела от того, насколько сильной была власть проявлявших к нему милость персон.

Хотя летом 1727 г. по решению Верховного Тайного Совета от 24 июля А.С. Сверчков некоторое время и состоял при А.В. Макарове «для разбору» вещей упраздненного Кабинета, новый президент Камер-коллегии уже не мог как-либо серьезно влиять на службу Авраам Степановича. В связи с изменением политической конъюнктуры, последовавшей после смерти Екатерины I в мае 1727 г., А.В. Макаров утратил свои позиции, а с 1731 г. практически постоянно находился под следствием⁵⁷.

Если по вертикали А.С. Сверчков в той или иной степени зависел от А.А. Матвеева и А.В. Макарова, то по горизонтали его персональные контакты разворачивались в кругу канцелярских служителей другой значимой фигуры царствований Петра I и Екатерины I, а именно, кн. Александра Даниловича Меншикова. В середине 1720-х гг. Сверчков поддерживал близкие контакты со служителями князя, а также канцеляристами и секретарем Походной

расположенные на границе полки; в 1719 г. Кушелев обратился с просьбой отпустить его из Санкт-Петербурга для передачи дел преемнику. Это делает мало вероятным влияние А.С. Сверчкова, который сам попал в Юстиц-коллегию в ноябре 1718 г., на назначение Кушелева (Цит. по: Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 176). О Е.А. Кушелеве см.: М.В. Бабич, И.В. Бабич, сост., *Областные правители России, 1719-1739 гг.*, М., 2008, с. 411-412; Балакирева, *Судебная реформа Петра I*, с. 178).

56. Sharon Kettering, *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*, New York – Oxford: Oxford University Press, 1986, p. 3-4, 42, 56; Sharon Kettering, «Brokerage at the Court of Louis XIV», *The Historical Journal*, 36 (1), 1993, p. 69, 70, 78-80.

57. Сб. РИО, СПб., 1889, т. 69, с. 128; Павленко, *Птенцы гнезда Петрова*, с. 298-324; Серов, *Администрация Петра I*, с. 54; И.В. Курукин, *Анна Иоанновна*, М., 2014, с. 106. См. пример Алексея Ивановича Юрова и влияние отставки А.В. Макарова на его карьеру (И.В. Курукин, «Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после», Е.Е. Рычаловский, отв. ред., *Россия в XVIII столетии*, М., 2009, вып. 3, с. 136-149).

канцелярии светлейшего. Его приглашали в компанию указанных лиц для празднования, к примеру, именин⁵⁸.

Признанные профессиональные качества, карьерные успехи, дружеские связи в среде канцелярских служащих и коллежских членов нижних рангов позволяют очертить тот социальный круг, в рамках которого вращался А.С. Сверчков в 1720-е гг. Они, однако, оказываются не достаточно релевантными для следующего этапа в карьере Авраама Степановича, в начале 1730-х гг. вошедшего в число доверенных лиц гр. М.Г. Головкина.

«У дел» при гр. М.Г. Головкине

Не одни члены комиссии, проводившие расследование по делу гр. М.Г. Головкина, инкриминировали Сверчкову факт «конфидентства» у опального графа. Об этом, в несколько иных выражениях, в 1739 г. сообщали в Сенат канцелярские служащие уложенной комиссии. В ведомости «о приказных служителях, которым повелено быть при сочинении уложения», напротив имени обер-секретаря Сверчкова была сделана помета:

Он же у дел при Его сиятельстве действительном тайном советнике, сенаторе и ковалере Михаиле Гавриловиче Головкине в комиссии о учреждении весов и мер и в комиссии о Санкт-Петербургском строении у сочинения полицейской должности.⁵⁹

Как известно, гр. М.Г. Головкин возглавлял Комиссию о мерах и весах. Она была создана по его представлению осенью 1736 г. 15 ноября Михаил Гаврилович подал в Кабинет министров предложение о введении в России «правдивых весов и мер» и определении к этому делу коллежских членов и двух канцелярских служащих. 22 декабря 1736 г. Кабинет-министры одобрили инициативу графа и назначили в комиссию требуемые штатные единицы⁶⁰. Головкин также входил в состав Комиссии о Санкт-петербургском строении, которая была образована именным указом от 10 июля 1737 г.⁶¹ Однако официально А.С. Сверчков не являлся ни членом, ни канцелярским служащим ни

58. Так, 7 января 1725 г. А.В. Сверчков был на праздновании именин Ивана Борисова, служителя кн. А.Д. Меншикова. Там также присутствовали: еще два служителя князя - Максим Голимский и Василий Думашнев, «его светлости канцелярист» Андрей Яковлев, секретарь Походной канцелярии Меншикова Петр Зеленый и переводчик Коллегии Иностранных дел Александр Белошицкий (Сб. РИО, СПб., 1898, т. 101, с. 495-498, 504-507).

59. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, ч. 1, л. 6 об.

60. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 249; ПСЗРИ, 1-е собр., т. IX, № 7010, с. 879-880; Сб. РИО, СПб., 1902, т. 114, с. 639-641.

61. ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7323, с. 216-217; Сб. РИО, Юрьев, 1905, т. 120, с. 295, 393-396.

одной из этих институций⁶². Составители ведомости в уложенной комиссии вряд ли могли ошибиться, поскольку в тот момент секретарем комиссии был Ермолай Васильевич Тишин, до этого выполнявший те же функции в комиссии о мерах и весах.

Е.В. Тишин принадлежал к семье приказных служителей. Свою канцелярскую карьеру он начал в канцелярии Синода в 1731 г. «при отце». Потом Тишин служил копиистом в Комерц-коллегии, затем был взят в Сенат, а в 1734 г. в должности канцеляриста назначен в Оренбургскую экспедицию. В 1735 г. по делам экспедиции Тишин был направлен в Санкт-Петербург, где 13 февраля 1736 г. его произвели в секретари. В самом конце того же года, как писал Тишин в сказке о своей службе в 1737 г., «по представлению Его сиятельства Тайного советника, сенатора и ковалера графа Михайла Гавриловича Головкина» последовало его определение в комиссию о мерах и весах⁶³. Примечательно, что следующее перемещение по службе – назначение секретарем в уложенную комиссию (оно последовало по решению Сената от 29 мая 1738 г.) – состоялось уже по докладу Сверчкова⁶⁴. Таким образом, Тишин, во-первых, по службе был связан с гр. М.Г. Головкиным и А.С. Сверчковым, а во-вторых, прекрасно знал внутреннюю ситуацию в комиссии о мерах и весах.

Его сообщению о неофициальной причастности Сверчкова к комиссии о Санкт-Петербургском строении и разработке «полицейской должности» тоже можно доверять, поскольку Тишин принимал участие в данном процессе. 17 декабря 1740 г. из Кабинета в Сенат был прислан проект инструкции полиции⁶⁵. Сенаторы приняли решение передать его А.С. Сверчкову с целью проверки на предмет соответствия действующему законодательству. При этом они специально указали – «а при нем, Сверчкове, у осмотра той инструкции быть секретарю Ермолаю Тишину, которой и при сочинении оной был»⁶⁶.

62. В комиссию о Санкт-Петербургском строении входили М.Х. Миних, А.Л. Нарышкин, Ф.И. Соймонов, П.М. Еропкин, И. Унковский, И.П. Измайлов; функции секретарей исполняли Авраам Хег и «инженерной комиссии секретарь Леванидов» (ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7323, с. 217). В комиссию о мерах и весах были определены архитектор П.М. Еропкин и ассессор Юстиц-коллегии И. фон Гагенмейстер. Секретарем был назначен Е.В. Тишин, канцеляристом – С. Нечаев, копиистами – П. Соколов и П. Зверев (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 203, л. 85 об. – 859; РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 2, л. 39, 41, 43 об., 47).

63. Е.В. Тишин вступил в дела комиссии о мерах и весах 31 декабря 1736 г., до 28 апреля 1737 г. он исполнял их параллельно с секретарскими обязанностями в Оренбургской экспедиции (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 203, л. 856 об. – 857).

64. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, ч. 1, л. 6; д. 9, ч. 2, л. 106.

65. Составление «обстоятельной и порядочной Инструкции полиции» было обозначено в качестве одной из задач деятельности Комиссии о Санкт-Петербургском строении (ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7323, с. 217). Инструкция была разработана и хранится в 342 фонде РГАДА «Новоуложенные комиссии», что косвенно подтверждает факт неофициальной причастности А.С. Сверчкова к Комиссии о Санкт-Петербургском строении (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 37, ч. VI).

66. *Сенатский архив*, т. 2, с. 282, 289.

Отношения «конфидентства» между А.С. Сверчковым и гр. М.Г. Головкиным установились не ранее 1730 г., когда политический вес Михаила Гавриловича значительно вырос благодаря высоким связям его жены, Екатерины Ивановны, урожденной Ромодановской. Она приходилась двоюродной сестрой Анне Иоанновне и, соответственно, теткой Анне Леопольдовне. Екатерина Ивановна родилась в браке кн. Ивана Федоровича Ромодановского (единственного сына «князя-кесаря» Федора Юрьевича Ромодановского) и Натальи Федоровны Салтыковой, родной сестры царицы Прасковьи Федоровны⁶⁷. Свадьба гр. М.Г. Головкина и Е.И. Ромодановской, состоявшаяся 8 апреля 1722 г., была важным событием, упрочивавшим связь между тремя влиятельными семействами: Головкиными, Ромодановским и Салтыковыми. Ее значимость подчеркивалась тем фактом, что маршалом церемонии был сам Петр I, посаженным отцом со стороны Михаила Гавриловича кн. А.Д. Меншиков, а посаженной матерью со стороны Екатерины Ивановны – императрица Екатерина Алексеевна⁶⁸. Супруги, особенно Екатерина Ивановна, принимали активное участие в событиях февраля-марта 1730 г.⁶⁹ Головкин, до этого делавший карьеру, прежде всего, при дворе⁷⁰, был введен в состав обновленного Сената⁷¹, а его жена пожалована в статс-дамы перед самой коронацией Анны Иоанновны⁷². Основной спектр деятельности гр. М.Г. Головкина в этот период был связан с руководством монетным делом. Именным указом от 14 декабря 1731 г. в его ведение были переданы денежные дворы и Монетная контора, в октябре 1734 г. переименованная в Монетную канцелярию⁷³. 3 февраля 1739 г. он был пожалован в тайные советники⁷⁴. Англичанин Френсис Дэшвуд, посетивший Санкт-Петербург летом 1733 г., сообщал, что гр. М.Г. Головкин «является высокопоставленной особой и сыном великого канцлера», и ставил его на шестое место в числе «главнейших сановников»⁷⁵.

67. «Замечания на “Записки о России генерала Манштейна”», *Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор*, М., 1997, с. 452.

68. *Неистовый реформатор / Иоганн Фоккердот. Фридрих Берхгольц*, М., 2000, с. 389. Описание свадьбы см.: Там же. С. 387-393; Д.М. Хмыров, *Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701-1791)*, М., 2013, с. 107-111.

69. Курукин, *Эпоха «дворских бурь»*, с. 206; И.В. Курукин, А.Б. Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы*, М., 2010, с. 99.

70. Агеева, *Императорский двор России*, с. 226, 230.

71. *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 3729, с. 217.

72. Карабанов, *Гофмейстрины, статс-дамы и фрейлины*, с. 15; Агеева, *Императорский двор России*, с. 244.

73. *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 4110, с. 256; № 5026, с. 355. См. также: Там же, № 4188, с. 45; № 4587, с. 306; № 4608, с. 308; № 4636, с. 311; № 4643, с. 312; № 6078, с. 480.

74. *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 6902, с. 576.

75. Ю.Н. Беспятых, *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях*, СПб., 1997, с. 60. На первых пяти местах располагались: Бирон, гр. Г.И. Головкин, гр. К.Г. Левенвольде, А.И. Остерман, Б.К. Миних.

Скорее всего, Авраам Степанович вошел в круг близких к Головкину людей в начале 1731 г. Зимой 1730-1731 гг. двум сенаторам, гр. М.Г. Головкину и В.Я. Новосильцеву, рядом указов было поручено курировать процесс составления «вотчинной главы» - нового земельного кодекса⁷⁶. С 18 марта 1731 г. протоколы уложенной комиссии регулярно фиксировали присутствие Головкина и Новосильцева на заседаниях и их участие в обсуждении отдельных частей проекта⁷⁷. В данном контексте важно учитывать, что отношения между гр. М.Г. Головкиным и В.Я. Новосильцевым не ограничивались только службой. О достаточно близких неформальных контактах свидетельствует факт участия Новосильцева в качестве доверенного лица и поручителя Головкина при разделе наследства гр. Г.И. Головкина (ум. 25 июля 1734 г.). Раздел был начат по именному указу Анны от 9 августа 1734 г. «Медиа-торами» со стороны «графов», т.е. М.Г. и А.Г. Головкиных, выступали кн. Алексей Михайлович Черкасский, обер-прокурор Сената Анисим Семенович Маслов и Василий Яковлевич Новосильцев⁷⁸.

С 1731 г., не являясь членами уложенной комиссии, гр. М.Г. Головкин и В.Я. Новосильцев (он был официально назначен «к сочинению уложения» только 9 сентября 1737 г.⁷⁹) на уровне Сената решали все вопросы, связанные с ее функционированием, переездами, выдачей жалованья и т.д. В ряде случаев А.С. Сверчков, обращался сначала не напрямую в Сенат по вопросу, например, финансирования, а писал от своего имени гр. М.Г. Головкину и В.Я. Новосильцеву. Последние же, ссылаясь на тот факт, что им было поручено составление «вотчинной главы», инициировали рассмотрение нужного вопроса и добивались его быстрого решения⁸⁰. Подобного рода неформальная связь с тем или иным сенатором не являлась чем-то уникальным: зачастую она логически дополняла и дотраивала служебные отношения, позволяя оперативно решать различные дела⁸¹. Заинтересованность представителей чиновничьей элиты в лояльных и компетентных подчиненных была

76. Именные указы состоялись 8 и 10 декабря 1730 г. и 17 марта 1731 г. (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. II, л. 324; д. 119, ч. 2, л. 110. Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 53).

77. Весной 1731 г. слушания также проходили 20, 22, 24, 28, 31 марта; 1, 3, 5, 7, 26 апреля; 3, 5, 10, 12, 15, 17, 19, 22, 24, 26, 29, 31 мая (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. II, л. 325, 331 об.-333 об., 334 об., 335 об.-343 об., 345-349 об.). Совместными усилиями уложенной комиссии и Вотчинной коллегии проект в 8-ми частях был составлен в 1732 г. и затем с разной степенью интенсивности неоднократно обсуждался в течение 1730-х гг. (1732, 1735, 1736, 1737, 1738, 1739 гг.) (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, ч. V, л. 20-27).

78. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 42, л. А, В.

79. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 40; ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. 2, л. 56.

80. Так, 5 марта 1734 г. в связи с переездом уложенной комиссии из Санкт-Петербурга в Москву Сверчков направил к гр. М.Г. Головкину и В.Я. Новосильцеву «всеподданнейшее доношение». Оно содержало просьбу о выдаче жалованья за январскую треть 1734 г. приказным служителям уложенной комиссии. 7 марта 1734 г. Головкин и Новосильцев обратились с просьбой в Сенат; 15 марта она была рассмотрена и удовлетворена (РГАДА, ф. 248, оп. 15, д. 843, л. 919-926; ф. 342, оп. 1, д. 10, ч. 2, л. 95-99).

81. Курукин, *Артемию Волинский*, с. 275-278.

обусловлена их способностью оказывать помощь вышестоящему начальнику в выполнении служебных обязанностей через предоставление актуальной информации и советов⁸².

Именно в таком ракурсе во время допросов описывали свои взаимоотношения гр. М.Г. Головкин и А.С. Сверчков. Граф, как уже отмечалось, объяснял свою заинтересованность в Сверчкове его профессиональными качествами. Сверчков, со своей стороны, мотивировал внимание к нему Головкина тем, что последний «бирывал» у него проекты из уложенной комиссии и представлял их в Сенате⁸³. Материалы рассмотрения в Сенате вопроса о праве наследования женщинами родовой собственности подтверждают показания обоих и на фактическом материале высвечивают линии взаимодействия.

Обсуждение было начато по именному указу, который состоялся 25 апреля 1737 г.: он предписывал сенаторам представить свои соображения по поводу права женщин распоряжаться родовой выморочной недвижимостью⁸⁴. В тот же день Сенат постановил сделать соответствующие выписки из действующего права и информировать сенаторов о необходимости подготовить требуемые материалы и «примерные» поколенные росписи⁸⁵. К 9 августа 1737 г. весь пакет документов был рассмотрен Сенатом и направлен в Кабинет (получен 11 августа), где обсуждался 25 августа⁸⁶. Примечательно, что гр. М.Г. Головкин был первым, кто выполнил предписание Сената. Собственно-ручно подписанное мнение графа было подано 6 июня и являлось одним из самых продуманных и последовательных⁸⁷. В нем Головкин прямо указывал, что источником его предложений относительно права наследования по женской линии служили разработки уложенной комиссии⁸⁸.

Профессиональная компетентность секретарей, в принципе, выступала отличительной чертой институций, возглавлявшихся гр. М.Г. Головкиным, для которого было характерно повышенное внимание к служебным свойствам штата подведомственных ему органов и понимание необходимости привлечения и поощрения квалифицированных кадров. Секретарь комиссии

82. Sharon Kettering, *Patrons, Brokers, and Clients*, p. 3, 55.

83. РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 14 об.

84. Сб. РИО, Юрьев, 1904, т. 117, с. 244-245; *Журнал Правительствующего Сената за 1737 г.*, часть 1, журналы за январь-июнь 1737 г. М., 1910, с. 251.

85. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 119, ч. 2, л. 107.

86. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 119, ч. 2, л. 108-109 об.

87. *Журнал Правительствующего Сената за 1737 г.*, часть 1, с. 463.

88. Характерно замечание гр. М.Г. Головкина, сделанное в конце мнения: «я более всеподданейшаго мнения своего Вашему Императорскому Величеству ныне предъявить не имею, а что до того принадлежит, о том о всем явствует в сочиненной комиссиею Вотчинной главе и на оное в разсуждении комиссии» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 119, ч. 2, л. 110-112 об.). В отличие от остальных сенаторов к мнению гр. М.Г. Головкина не были приложены поколенные росписи, о которых он также сообщал: «И на вышеписанную Вотчинной главы вторую часть приложена от комиссии в Сенат форма поколенным росписям» (Там же, л. 112 об.).

о мерах и весах Е.В. Тишин с 1721 по 1728 г. обучался в школе при Александро-Невском монастыре; затем в течение года изучал немецкий язык при Академии наук⁸⁹. Его быстрое продвижение по службе являлось следствием «прилежания», которое позволяло поручать ему ответственные дела⁹⁰. Тот же профессионализм отличал и секретаря Василия Томилова, который до осени 1737 г. состоял при гр. М.Г. Головкине в Канцелярии монетного правления, куда был назначен по собственному представлению графа. Как и Е. Тишин, В. Томилов получил хорошее образование и на высоком уровне исполнял порученные ему обязанности⁹¹. При значительном объеме и разнородности выполняемых функций⁹² чиновники высшего эшелона были заинтересованы в грамотных и опытных кадрах на ключевых должностях руководителей канцелярий⁹³. Примечательно, что в завещании сыну Е.В. Татищеву, которое было написано во второе половине 1730-х гг., В.Н. Татищев, предостерегая его от того, чтобы слишком сильно доверять подчиненным канцелярским служителям и устанавливать с ними дружеские отношения, в то же время настоятельно рекомендовал в интересах гражданской службы обращать пристальное внимание на тех, кто выделялся способностями и человеческими качествами⁹⁴. Подобно А.С. Сверчкову обер-секретари в Сенате и секретари в коллегиях и разного рода комиссиях, в силу все более возрастающей специализации, в ряде случаев оказывались значительно более информированными по

89. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 203, л. 856.

90. В 1735 г. Е.В. Тишин сопровождал из Уфы в Санкт-Петербург «киргиских посланцев с ханским племянником Клыч Махомед Багадыр Салтаном», а по прибытии в столицу в течение 1736 г. вел все дела, касавшиеся снабжения, делопроизводства, корреспонденции и т.д. Оренбургской экспедиции (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 203, л. 856 об. – 857). Указом от 2 февраля 1741 г. из комиссии о мерах и весах Е.В. Тишин был взят в Сенат и в качестве секретаря определен к рекетмейстерским делам (РГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 134, л. 104; его виза см.: Там же, оп. 2, д. 129, л. 41, 41 об., 44). К 1753 г. Тишин дослужился до генерал-вагенмейстера и 18 декабря получил чин коллежского советника (РГАДА, ф. 154, д. 307).

91. Сб. РИО. Юрьев, 1901, т. 111, с. 480, 545; Юрьев, 1906, т. 124, с. 207-208; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 6746, с. 557; ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7768, с. 742.

92. Характерно относящееся к 1733 г. замечание Э. Миниха по поводу его отца, Б.Х. Миниха: «Делами он был обременен до чрезвычайности, ибо в звании Военной коллегии президента управлял всею сухопутною силою; в Кабинете заседал он в звании генерал-фельдцейхмейстера; инженерного корпуса был он главный начальник и над всеми крепостями главный надзиратель; в то же время занимался он учреждением Кадетского корпуса и новых кирасирских полков; смотрение за Ладожским каналом оставалось за ним по-прежнему, и даже полиция, как в Санкт-Петербурге, так и в других городах состояла в его ведении» (Э. Миних, «Записки», *Безвременье и временщики*, с. 107-108).

93. Д.О. Серов, «Последние дышки: из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в.», *Уральский исторический вестник*, 3 (32), 2011, с. 69, 72.

94. В.Н. Татищев, в частности, писал: «Когда ж тобою из подчиненных примечен будет добродетели наполненной, неалчной и справедливой человек, таких не токмо советы слушай, но и отменным образом их во обхождение свое принимай» (Цит. по: Н. Попов, *В.Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия*, М., 1861, с. 221).

вопросам, относящимся к профилю деятельности той или иной институции. В результате квалифицированный и ответственный секретарь, с которым зачастую устанавливались неформальные отношения и который входил в число клиентов своего руководителя, становился одним из основных условий быстрого и качественного выполнения поставленной властью задачи⁹⁵.

При изменении придворной или политической конъюнктуры наличие «конфидента» в канцеляриях центральных учреждений позволяло иметь дополнительный источник сведений и опосредованно контролировать и влиять на ключевые позиции в тех государственных органах, где вырабатывались и принимались социально значимые решения⁹⁶. В этом контексте внимания заслуживает обсуждение возможного расширения номенклатуры должности экзекутора Сената, которое началось в конце 1738 г. Данное событие позволяет понять, каким образом гр. М.Г. Головкин в условиях борьбы в придворных кругах (она возобновилась в 1738 г. и была связана с возвышением А.П. Волынского) пытался на уровне административной системы выстраивать свои отношения с новым кабинет-министром и какая роль в этом процессе отводилась А.С. Сверчкову.

24 ноября 1738 г. в Сенат было подано предложение за подписями барона Петра Павловича Шафирова и гр. М.Г. Головкина⁹⁷. Его суть сводилась к необходимости увеличения числа экзекуторов Сената и расширения их полномочий по причине серьезных «непорядков» в сенатской канцелярии. Как писали авторы записки, в предшествующий период сфера обязанностей экзекутора сводилась к внешнему надзору за работой канцелярии⁹⁸. По их мнению, подобного рода деятельность была безуспешной и не способствовала правильному и организованному ведению делопроизводства, отрицательно сказываясь на всей работе Сената. Проблема состояла в том, что ранг экзекутора был ниже ранга обер-секретаря. Вследствие этого экзекутор оказывался в зависимом положении от обер-секретарей и был не способен в полной мере осуществлять возложенные на него обязанности и действовать «в помощь

95. Курукин, «Артемий Волынский и его клиенты», с. 229-230; *Патронат и клиента в России*, с. 261.

96. Kettering, *Patrons, Brokers, and Clients*, p. 3

97. Интерес представляет сам факт совместных действий указанных лиц, поскольку, с одной стороны, известно, что барон П.П. Шафиров находился в многолетнем конфликте с отцом гр. М.Г. Головкина, гр. Г.И. Головкиным (Серов, *Администрация Петра I*, с. 88-102). Однако с другой – в 1734 г. П.П. Шафиров выступил одним из доверенных лиц при разделе имущества покойного канцлера. Представителями со стороны вдовы гр. И.Г. Головкина, Дарьи Матвеевны, урожденной кн. Гагариной, и ее детей выступали: А.И. Ушаков, барон П.П. Шафиров, А.П. Бестужев (РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 42, л. В).

98. Авторы записки так описывали деятельность экзекутора в Сенате: «должность его в Сенате была и впредь будет та ж, что он только в канцелярии смотрит за караульными салдатами и колодниками и чрез него о приходящих доклады Сенату чинятся, а в правлении должности экзекуторской токмо исправлял, чтоб служители канцелярские указы отправляли и в указное время на оные ответы получены были, и больше ничего не видали, чтобы чрез экзекуторскую должность какой в делах успех последовал» (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 213, л. 604).

и облегчение» обер-прокурору Сената, т.е. в соответствии с идеей, которая была заложена в данную должность действующим законодательством⁹⁹. В этой связи гр. М.Г. Головкин и П.П. Шафиров полагали, что основная задача эзекутора должна была состоять в контроле над процессом исполнения по указам (в первую очередь, именным). Прежде всего, они должны были наблюдать за строгой законностью и полным соответствием действующим законам всех актов и мероприятий, предпринимаемых с целью реализации высочайшей воли. Из данной предпосылки логически следовало, что эзекутором мог быть только человек, во-первых, значительное время прослуживший на гражданской службе, во-вторых, прекрасно знающий современное ему законодательство, в-третьих, имеющий ранг, равный обер-секретарскому, т.е. не ниже полковника¹⁰⁰. В качестве возможных кандидатур Головкин и Шафиров предлагали обер-секретарей Сената – М.С. Козьмина и А.С. Сверчкова¹⁰¹. Из текста предложения, однако, недвусмысленно следовало, что его авторы склонялись в сторону Сверчкова, тем более что на тот момент Козьмин фактически был не удел («для лечения болезней») он был отпущен из Санкт-Петербурга в Москву¹⁰². Сверчков же, наоборот, находился в Санкт-Петербурге¹⁰³. 5 декабря 1738 г. Сенат рассмотрел предложение Шафирова и Головкина, а 14 декабря того же года Михаил Гаврилович внес в Сенат еще одно, прояснявшее обязанности «намеренного», как он писал, эзекутора с точки зрения его взаимодействия с обер-прокурором. Во-первых, Головкин отмечал, что предлагаемая им номенклатура должности эзекутора представлялась весьма необходимой для регулирования деятельности внутри канцелярии Сената. Во-вторых, граф настоятельно подчеркивал, что эзекутор «яко помощник» должен был находиться в подчинении «единственно» у обер-прокурора и ни в коей мере не умалять «преимущества и чести» последнего. С этой целью обер-прокурору предлагалось составить специальную инструкцию эзекутору и передать ее на рассмотрение Кабинета министров¹⁰⁴. Сенаторы скептически восприняли инициативу. Информирова Кабинет о поступившем предложении они, в частности, указывали, что в вопросе руководства сенатской канцелярией предлагаемая должность эзекутора фактически перекрывала бы часть полномочий

99. Должность подчиненного генерал-прокурору сенатского эзекутора была введена именным указом от 12 января 1722 г. (ПСЗРИ, 1-е собр., т. VI, № 3877, с. 479-480).

100. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 213, л. 592-594.

101. Как и гр. М.Г. Головкин, П.П. Шафиров был прекрасно осведомлен о профессиональных качествах Сверчкова. В январе 1723 г., когда в уложенной комиссии начался процесс сбора проектов глав уложения и переводов из иностранных источников права, Петр Павлович фактически курировал деятельность комиссии и ее канцелярии (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. 1, л. 115-117).

102. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 200, л. 128 об.; ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. 2, л. 85; *Журнал Правительствующего Сената за 1737 г.*, часть 1, с. 146, 177.

103. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 200, л. 128; ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. 2, л. 85, 88; *Журнал Правительствующего Сената за 1737 г.*, часть 1, с. 252, 322.

104. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 213, л. 596-596 об.

генерал-прокурора¹⁰⁵. В итоге Сенат передал окончательное решение по данному вопросу Кабинету министров¹⁰⁶.

Проект Головкина и Шафирова появилось не на пустом месте - с начала 1737 г. в канцелярии Сената шла серьезная реорганизация делопроизводства. Правильное ведение журналов¹⁰⁷ стало результатом ряда сенатских постановлений, которые состоялись в январе 1737 г.¹⁰⁸ и были связаны с пересмотром дела по разделу наследства кн. Д.К. Кантемира¹⁰⁹; по именному повелению императрицы оно было взято из Юстиц-коллегии в Сенат в мае 1736 г.¹¹⁰ Фактически за этим процессом стоял А.П. Волынский. Он возглавлял следственную комиссию¹¹¹, в ходе работы которой был выявлен целый ряд серьезных нарушений в ведении протоколов в Сенате и Юстиц-коллегии, за что были понижены в должности и оштрафованы сенатские обер-секретарь Дмитрий Невежин и секретарь Максим Данилов¹¹². 3 апреля 1737 г. А.П. Волынский был назначен кабинет-министром и, находясь в этой должности, планировал ряд действий, направленных на усиление роли Сената¹¹³. Позиции Волынского в Сенате усилились весной 1738 г., когда после долгого перерыва в апреле в Сенат был вновь назначен обер-прокурор. Им стал входивший в ближайший круг А.П. Волынского генерал-майор Федор Иванович Соймонов¹¹⁴.

Практически сразу после вступления в должность Ф.И. Соймонов вошел в Сенат с инициативой по усилению контроля со стороны обер-секретарей и секретарей за соответствием действующему законодательству решений, принимаемых в государственных органах всех уровней¹¹⁵. В данном

105. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 213, л. 599-600.

106. В Кабинет министров сообщение из Сената было направлено 16 декабря 1738 г. (Сб. РИО, Юрьев, 1906, т. 124, с. 486).

107. *История правительствующего Сената за двести лет, 1711-1911*, СПб., 1911, т. 1, с. 580.

108. РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 142, л. 55-60; ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7155, с. 17.

109. Указ о создании комиссии по делу о наследстве Д.К. Кантемира состоялся 29 ноября 1736 г. (ПСЗРИ, 1-е собр., т. IX, № 7113, с. 993-994; Сб. РИО, 1902, т. 114, с. 215, 573, 578, 580, 649).

110. В «Истории Сената» ошибочно указан 1737 г. (*История правительствующего Сената за двести лет*, т. 1, с. 577).

111. Сб. РИО, Юрьев, 1906, т. 124, с. 495.

112. ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7143, с. 1-4.

113. *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 6549, с. 539; Сб. РИО, Юрьев, 1905, т. 120, с. 287, 289; Петрухин, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 969; Курукин, *Артемиий Волынский*, с. 250-251.

114. Сб. РИО, Юрьев, 1905, т. 120, с. 301, 358-359; Курукин, *Артемиий Волынский*, с. 81, 273; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 6558, с. 537. О Ф.И. Соймонове см.: М.О. Акишин, «Соймонов Федор Иванович», *Власть в Сибири XVI – начала XX века*, Новосибирск, 2005, с. 537-541.

115. ПСЗРИ, 1-е собр., т. X, № 7567, с. 485; *История правительствующего Сената за двести лет*, т. 1, с. 608.

контексте предложение гр. М.Г. Головкина и барона П.П. Шафирова о введении должности «намеренного» экзекутора с целью надзора за законностью и предложение на эту должность кандидатуры Сверчкова в связи с его прекрасным знанием законодательства вписывалось в общую линию, проводившуюся новым обер-прокурором. В целом, оно могло рассматриваться как попытка поставить «своего человека» рядом с Ф.И. Соймоновым и А.П. Волынским. Тем более, что Шафиров и Волынский были хорошо знакомы и тесно взаимодействовали во время мирного конгресса в Немирове весной 1737 г., а в 1711-1713 гг. Петр Павлович весьма способствовал карьерным успехам Волынского¹¹⁶. Гр. М.Г. Головкин, скорее всего, также пытался наладить отношения с резко возвысившимся кабинет-министром и учитывать изменение придворной конъюнктуры¹¹⁷. По сведениям неизвестного автора, оставившего «Замечания на «Записки о России генерала Манштейна», во второй половине 1730-х гг. положение Головкина при дворе пошатнулось: «благоволение монаршее к нему весьма уменьшилось» по причине «беспристрастных суждений» Михаила Гавриловича «о поступках» Бирона¹¹⁸.

Свою роль могло сыграть и то, что в 1738-1739 гг. в Кабинете министров А.П. Волынский через лояльного ему и дружественного гр. М.Г. Головкину В.Я. Новосильцева¹¹⁹ фактически курировал деятельность уложенной комиссии, в которой в это время возобновился процесс обсуждения проектов земельного и процессуального кодексов¹²⁰. Так, если «по приказу» Сената А.С. Сверчкову нужно было передать кабинет-министрам какое-либо

116. Сб. РИО, СПб., 1892, т. 80, с. 133, 136.

А.П. Волынский входил в делегацию, которая в июле 1711 г. под руководством вице-канцлера П.П. Шафирова была направлена для ведения мирных переговоров с турецкой стороной во время неудачного Прутского похода; в 1711-1713 гг. Волынский был в числе возглавлявшего Шафировым посольства в Стамбуле (Серов, *Администрация Петра I*, 2-е изд., с. 89-94; Курукин, *Артемиий Волынский*, с. 32-38).

117. Точных сведений о причастности гр. М.Г. Головкина к ближнему окружению А.П. Волынского нет: во время следствия от допросов его избавила Анна Иоанновна (Курукин, *Артемиий Волынский*, с. 281; Курукин, «Артемиий Волынский и его клиенты», с. 233).

118. «Замечания на «Записки о России генерала Манштейна»», с. 452-453.

119. В.Я. Новосильцев если и не принадлежал к кругу ближайших сторонников А.П. Волынского, то был среди тех, кто его поддерживал. Дававший показания по делу Волынского В.В. Кубанец, в частности, доносил, что сенатор бывал у Волынского, который давал ему читать и «поправлять сочиненные им проекты». Новосильцеву также инкриминировали совместное с Волынским чтение сочинений Ю. Липсия и «предосудительные о государыне разговоры». 5 июня 1740 г. Василий Яковлевич был арестован и допрошен в своем доме, однако показал, что «Проекта» опального кабинет-министра не видел, а не донес на него только по той причине, что «Волынский мог от него отпереться». Императрица велела его освободить, сделав «крепчайший выговор» («Записка об Артемии Волынском», *ЧОИДР*, 1858, апрель-июнь, книга вторая, с. 145, 159).

120. Сенатский указ вследствие именного о «немедленном нового уложении сочинении» состоялся 1 марта 1738 г. (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 10, ч. II, л. 212; *Журнал Правительствующего Сената за 1737 г.*, часть 2, журналы за июль-декабрь 1737 г. М., 1901, с. 194; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 945).

«рассуждение», касающееся указанных проектов, то он сначала докладывал А.П. Волынскому, а уже затем по приказу последнего обращался к другим кабинет-министрам¹²¹.

Усилия гр. М.Г. Головкина учредить должность «намеренного» эзекутора Сената специально для своего протезе А.С. Сверчкова и тем самым повысить его служебную позицию не имели моментального эффекта. Обсуждение вопроса было отложено¹²². Граф, однако, весьма успешно решал проблемы, связанные с финансовой стороной службы Сверчкова. Это косвенно подтверждает ситуация с выдачей жалованья за январскую треть 1738 г. Соответствующее решение Сената относительно статских чинов Санкт-Петербурга состоялось 20 апреля того же года; 24 апреля распоряжение о выделении финансов было направлено в Штатс-контору¹²³. 29 мая 1738 г. в Сенат поступило доношение от Ревизион-коллегии с просьбой разобраться с вопросом о выдаче жалованья. Коллегия ссылалась на вышеназванные указы и сообщала, что в Штатс-конторе ее членам были выданы направления, «ассигнации», в Канцелярию монетного правления, поскольку конкретная сумма на жалованье штату коллегии должна была отпускатся с Монетного двора¹²⁴. Канцелярия, однако, сославшись на сложную систему внутренних взаиморасчетов, вместо выплаты денег отослала указанные направления в свое отделение в Москве. В промемории от 12 мая Канцелярия монетного правления проинформировала Штатс-контору о том, что в северной столице деньги были выданы только канцелярии Сената, «да герольдмейстеру Квашнину-Самарину и обер-секретарю Сверчкову» как лицам, состоящим при Сенате¹²⁵. Есть все основания предполагать, что Сверчков получил причитающееся ему жалованье не без влияния гр. М.Г. Головкина, в прямом подчинении у которого, как уже отмечалось, находилась канцелярия монетного правления, ее московское отделение, а также монетные дворы.

Итак, отношения «конфидентства», которые существовали между А.С. Сверчковым и гр. М.Г. Головкиным носили взаимный и обоюдно выгодный характер. В лице Сверчкова граф приобрел ценный источник информации, прежде всего, в области законодательства: с равной степенью эффективности он мог использоваться при решении как различных государственных, так и личных вопросов. Сверчков получил действенный инструмент для увеличения своего значения в сфере неформальных связей. Позиция

121. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, ч. 1, л. 25 об.; д. 9, ч. II, л. 109-110).

122. 21 августа 1740 г. Кабинет вернул дело в Сенат, указав на то, что вопрос о введении должности «намеренного» эзекутора относится к компетенции генерал-прокурор (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 213, л. 601). Вновь назначенный генерал-прокурор кн. Н.Ю. Трубецкой (назначен 28 апреля 1740 г.) в сентябре того же года действительно предпринял шаги для расширения номенклатуры должности эзекутора (*История правительствующего Сената за двести лет*, т. 1, с. 610).

123. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 490.

124. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 490, 493.

125. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 490-490 об.

Авраама Степановича признавалась настолько значимой, что к его помощи считали нужным прибегать в особо сложных делах, решение которых требовало аккумулярования всех возможных ресурсов.

«Съездила к сенацкому обер секретарю Авраму Сверчкову...»

Зимой 1734 г. бывший сибирский вице-губернатор Алексей Иванович Жолобов направил своей жене Аграфене Петровне письмо, содержавшее своего рода инструкцию, как ей поступать¹²⁶. Находившийся под следствием чиновник указывал супруге, к кому и каким образом она должна была обратиться с тем, чтобы добиться переноса рассмотрения дела в Москву¹²⁷. В частности, Жолобовой предписывалось переслать три письма мужа в Санкт-Петербург: одно – Бирону, а два другие – кн. А.Ф. Ромодановской¹²⁸. В Москве она должна была передать письмо гр. Семену Андреевичу Салтыкову, но не напрямую, а через его адъютанта. Последнего надлежало «сыскать», «одарить», а также рассказать «о своем разорении»¹²⁹. Наибольшее внимание Аграфене Петровне следовало обратить на А.С. Сверчкова. Как писал Жолобов:

да чтоб к себе позвала или ... сама съездила к сенацкому обер секретарю Авраму Сверчкову, понеже он ему благодетель¹³⁰, и ни о чем бы более // не просила, токмо чтоб взяли в Москву, о чем и доношение в Сенат послано, и чтоб она позвала к себе жену ево и подарила голюю.¹³¹

126. Письмо было конфисковано в доме поручика лейб-гвардии Преображенского полка кн. Федора Петровича Мещерского, который был мужем (с конца 1732 г.) сестры А.П. Жолобовой, Марфы Петровны, урожденной Плещеевой. Как явствует из пометок, сделанных при его переписке во время следствия, письмо, возможно, пытались уничтожить: часть текста была «смарана» и «чищена ножом» и, «чтобы было писано, признать не можно». Оно не датировано: «а откуда то письмо писано и с которого году, месяца и числа не показано» (РГАДА, ф. 248, д. 170, л. 4, 5). Датируется по времени прибытия А.П. Жолобовой в Москву, 21 января 1734 г. (М.О. Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян в их личной переписке 1730-х гг.», *Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Григорьевича Алексева*, М., 2012, с. 593).

127. О деле А.И. Жолобова см.: Сб. РИО, Юрьев, 1901, т. 111, с. 42, 45-46; М.О. Акишин, «Жолобов Алексей Иванович», Акишин, Ремнев, сост., *Власть в Сибири*, с. 548-549; Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 585-590.

128. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 4.

129. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 4 об.

130. Из текста письма не ясно, к кому относится характеристика «благодетель», А.И. Жолобову или А.С. Сверчкову. Л.С. Рафиенко полагала, что к А.И. Жолобову, который «когда-то облагодетельствовал» Сверчкова. Однако возможно и другое прочтение (Л.С. Рафиенко, *Проблемы управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв. Избранное*. Новосибирск, 2006, с. 100-101). На данном этапе у меня отсутствует данные о каких-либо связях между А.С. Сверчковым и А.И. Жолобовым до 1734 г. Скорее всего, они познакомились в 1720-х гг., когда с 1722 по 1726 гг. Жолобов исполнял обязанности прокурора Штатс-контор-коллегии (Серов, *Администрация Петра I*, с. 43). *Выражаю глубокую благодарность Дмитрию Олеговичу Серову, указавшему мне на данный факт.*

131. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 4 об.-5.

Контекст письма позволяет предположить, что благодаря А.С. Сверчкову Жолобов рассчитывал получить доступ к гр. С.А. Салтыкову. У Алексея Ивановича были все основания надеяться на успех. Зимой 1734 г. Сверчков был направлен в Москву: именным указом на него возлагалось руководство канцелярией Сенатской конторы¹³². Сверчков, таким образом, имел постоянный доступ к возглавлявшему Сенатскую контору гр. С.А. Салтыкову и мог выступить в качестве возможного посредника, который позволил бы Жолобову воспользоваться влиянием графа и изменить ход следствия.

Особое положение гр. С.А. Салтыкова вследствие его родственных связей с Анной Иоанновной и той роли, которую он сыграл в событиях 1730 года, было общеизвестным фактом. В первое время царствования Семена Андреевича был наиболее значимым лицом при дворе: в марте 1730 г. он был назначен обер-гофмейстером, произведен в генерал-аншефы и вторично пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного¹³³. Естественно, что в это время Салтыков был одной из ключевых фигур в обеспечении доступа к распределению милостей, должностей и т.д.¹³⁴. В январе 1732 г. С.А. Салтыкову было пожаловано графское достоинство, однако после отъезда двора в северную столицу он остался в Москве¹³⁵. По именному указу от 8 июня 1733 г., соединявшему в «общее собрание» Московский и Санкт-Петербургский Сенаты, гр. С.А. Салтыкову возглавил Сенатскую контору¹³⁶. Принято считать, что это произошло в результате противостояния с «немецкой» партией, пошатнувшей позиции Салтыкова. Однако если при дворе его значение уменьшилось¹³⁷, то в Москве, как 3 сентября 1733 г. писал

132. РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 151, л. 172; д. 200, л. 129.

133. Карабанов, *Гофмейстрины, статс-дамы и фрейлины*, с. 19; Н.Н. Петрухинцев, *Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г.*, СПб., 2001, с. 41, 45, 61. Курукин, *Эпоха «дворских бурь»*, с. 79, 81, 85, 87, 105, 202, 208-209, 212, 215, 226, 228, 269; Агеева, *Императорский двор России*, с. 97, 102-105, 207; Серов, *Администрация Петра I*, с. 68; Курукин, Плотников, *19 января – 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы*, с. 103-107, 178, 192, 193, 195, 196; Курукин, *Анна Иоанновна*, с. 79, 81, 85, 87, 89, 93.

134. Так, 1 марта 1730 г. находившийся в Москве нижегородский вице-губернатор Иван Михайлович Волинский писал в Казань своему двоюродному брату Артемию Петровичу Волинскому: «а ныне в великой силе Семен Андреевича Салтыков... и живет он в верху и ночует при Ее величестве», - и советовал Артемию Петровичу обратиться к нему с просьбой о «перемене чину», предварительно решив, что он хочет – «в Сенате быть или губернатором» («Из переписки А.П. Волинского», с. 209. См. также: Курукин, *Эпоха «дворских бурь»*, с. 271).

135. Серов, *Администрация Петра I*, с. 68; Агеева, *Императорский двор России*, с. 108.

136. ПСЗРИ, 1-е собр., т. IX, № 6434, с. 161-162. См. также: *Русский биографический словарь: Сабанеев – Смыслов*, издан. под наблюдением ... А.А. Половцова, СПб., 1904, т. 18, с. 117-118; ПСЗРИ, 1-е собр., т. VI, № 3903, 4106, с. 510, 781; т. VII, № 4162; 4241 (примечание), 4335, 4398, 4399, 4485, 4622, 4626, 4701, 4703, с. 21-22, 74, 139-141, 190, 271, 387, 398, 458, 461; т. X, № 7599, с. 539.

О Сенатской конторе и ее значении в связи с руководством гр. С.А. Салтыковым см.: *История правительствующего Сената за двести лет*, т. I, с. 558-564.

137. Петрухинцев, *Царствование Анны Иоанновны*, с. 51; Агеева, *Императорский двор России*, с. 103

А.И. Жолобову его постоянный корреспондент генерал-рекетмейстер Алексей Юрьевич Бибилов¹³⁸, «главный над всеми ... Семен Андреевич Салтыков»¹³⁹.

В данном контексте обращение А.И. Жолобова к А.С. Сверчкову как обер-секретарю Сената не являлось чем-то исключительным: помимо Сверчкова он пытался просить о помощи еще одного сенатского обер-секретаря, М.С. Козьмина, которому, как показало следствие, предлагал взятку¹⁴⁰. Внимания заслуживает не совсем стандартный способ воздействия, который, по рекомендации Жолобова, должна была использовать его жена. Аграфене Петровне следовало не просто «одарить» Авраама Степановича как адъютанта гр. Салтыкова, с ним надлежало установить личный контакт через приглашение в гости и задействие его жены. На тот момент А.С. Сверчков состоял во втором браке; его женой была Евдокия Яковлевна Сверчкова¹⁴¹.

В 1734 г. положение, которое Авраам Степанович занимал в Москве, действительно, было не совсем обычным и не могло быть объяснено только занимаемой им должностью обер-секретаря Сенатской канцелярии. Так, 14 декабря 1734 г. Кабинет министров рассматривал доношение, поданное Василием Никитичем Татищевым перед отъездом на Урал. В нем он жаловался на тот факт, что из 14 человек, которых он просил из Москвы для заводов, во-первых, прибыли не все, «а один укрылся», а во-вторых, часть оказалась негодными к службе¹⁴². В качестве основной причины Татищев указывал «защитение» и вмешательство «обер-секретаря Сверчкова», которое простиралось до того, что не желавший отправляться в Екатеринбург даже скрывался в доме Авраама Степановича. В результате Кабинет направил письмо гр. С.А. Салтыкову с предписанием разобраться¹⁴³. Расследование

138. О А.Ю. Бибилове см.: Серов, «Бибилов Алексей Юрьевич», *Власть в Сибири*, с. 552; Серов, *Администрация Петра I*, с. 26-27; М.В. Бабич, И.В. Бабич, сост. *Областные правители*, с. 206-207.

139. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 390.

140. Сб. РИО, Юрьев, 1901, т. 111, с. 260; Рафиенко, *Проблемы управления и культуры Сибири*, с. 100-101.

Подобного рода обращение «за помощью» к обер-секретарю Сената не являлось фактом исключительным и, в целом, свидетельствовало о важности и значимости данного поста. Так, после смерти в июне 1720 г. кн. Я.Ф. Долгорукова В.А. Апухтин, попавший в опалу и лишенный сенатской должности в марте 1715 г., в попытках вернуть имущество, данное в долг и забранное у него князем, в том числе обращался и к на тот момент обер-секретарю Сената А.С. Маслову (Н.Ф. Самарин, «Из записной книги собирателя памятников русской исторической старины», *Русская старина*, 1874, год пятый, № 1, январь, с. 186). В 1731-1732 гг. компания передела мелкой серебряной монеты предлагала денежные «презенты» обер-секретарю Сената И.К. Кириллову (А.И. Юхт, *Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в.*, 1985, с. 256).

141. Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov...», p. 623.

142. Еще 17 июня 1734 г. Кабинет направил письмо гр. С.А. Салтыкову с просьбой ускорить процесс отправки людей, который был «замедлен» тем, что не все еще были определены, а назначенные не получили жалованья (РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 71, л. 129).

143. РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 71, л. 310 об. – 311, 313.

было начато, однако не имело для А.С. Сверчкова никаких последствий: зимой-весной 1734-1735 гг. он занимал все то же положение и продолжал исполнять должность обер-секретаря¹⁴⁴.

В обоих случаях влияние А.С. Сверчкова, которое собирался использовать А.И. Жолобов и которое присутствовало в истории с отправкой людей в Екатеринбург, было следствием его неформальных связей с гр. М.Г. Головкиным, которые были хорошо известны всем участникам процесса.

Примечательно, что в значительном по объему комплексе писем, которые были конфискованы во время следствия по делу А.И. Жолобова, сохранился черновик его письма к гр. М.Г. Головкину. В конце зимы – начале весны 1733 гг. после отстранения от вице-губернаторства в Иркутске (оно последовало 30 марта 1732 г.¹⁴⁵) Жолобов уже обращался к Михаилу Гавриловичу за помощью¹⁴⁶. Адресуясь к нему как к «моему милостивому отцу и государю», Жолобов описывал историю своих сложных взаимоотношений с вновь назначенным вице-губернатором и просил вызвать его в Москву¹⁴⁷. Известно, последовала ли какая-нибудь реакция со стороны Головкина, однако внимания заслуживает тот факт, что в изначальном варианте письма (затем текст был зачеркнут) Жолобов мотивировал свое решение писать к сенатору тем, что его назначение в Иркутск состоялось по инициативе и «по представлению Вашего высокографского сиятельства»¹⁴⁸ (Курсив мой – Г.Б.).

В предшествующий период в схожих выражениях Жолобов адресовался к Павлу Ивановичу Ягужинскому, с которым был хорошо знаком еще со времен нахождения на должности прокурора Штатс-контор-коллегии в 1722-1726 гг.¹⁴⁹ Как «высокий покровитель» и глава Сибирского приказа П.И. Ягужинский протектировал Жолобова, представляя в Сенат его рапорты, проекты и т.д., со своей стороны получив возможность контролировать

144. РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 73, л. 182-182 об.; д. 75, л. 77, 93, 117-117 об.

28 декабря 1734 г. гр. С.А. Салтыков информировал Кабинет о «следствии обер-секретаря Сверчкова», 5 января 1735 г. материалы расследования в сопровождении письма от гр. С.А. Салтыкова были получены в Кабинете министров (Сб. РИО, Юрьев, 1901, т. 108, с. 484; т. 111, с. 3).

145. Сб. РИО, СПб., 1899, т. 106, с. 330-331; М.О. Акишин, «Жолобов Алексей Иванович», *Власть в Сибири*, с. 550-551; Серов, *Администрация Петра I*, с. 548; М.В. Бабич, И.В. Бабич, сост. *Областные правители*, с. 328.

146. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 255-256 об.; М.О. Акишин, «Сытин Кирилл Карпович», *Власть в Сибири*, с. 550-551; Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 581-582.

147. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 255-256.

148. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 255.

149. Серов, *Администрация Петра I*, с. 43.

Так, в письме от 12 февраля 1731 г. по пути к новому месту назначения А.И. Жолобов писал: «Сиятельнейший граф, превосходительный господин, генерал и кавалер, милостивый государь Павел Иванович, Вашего превосходительства высокою милостию определен я в Ыркцк со всяким награждением, и до Нижнего доехал благополучно февраля 13 дня...» (РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 862).

управление Иркутской провинцией¹⁵⁰. Ситуация изменилась в ноябре 1731 г., когда в результате сложной политической и придворной борьбы сыгравший столь значительную роль в событиях 1730 г. гр. П.И. Ягужинский был отправлен послом в Берлин и оказался вне активной политической жизни¹⁵¹. Жолобов продолжал из разных источников получать информацию о Павле Ивановиче, но, естественно, что последний не мог уже существенно влиять на следствие по делу бывшего вице-губернатора¹⁵².

Таким образом, оказавшись фактически без патрона и будучи вынужден, следуя настоятельному совету жены, задействовать всех своих «приятелей» и «просить милости» даже у Бирона¹⁵³, А.И. Жолобов мог рассчитывать заручиться поддержкой родственника своего бывшего покровителя (вторым браком Павел Иванович Ягужинский был женат на родной сестре Михаила Гавриловича, Анне Гавриловне)¹⁵⁴ и искал возможные пути доступа в графу.

Агентом А.И. Жолобова в Москве, а затем в Санкт-Петербурге был уже упоминавшийся выше генерал-рекетмейстер А.Ю. Бибиков. До назначения П.И. Ягужинского в Пруссии А.Ю. Бибиков выступал как посредник между Ягужинским и Жолобовым, хотя формально последний не находился в прямом подчинении у Павла Ивановича¹⁵⁵. Бибиков пересылал Ягужинскому проекты Жолобова, а также информировал о последовавшей реакции¹⁵⁶. Именно Бибиков первым сообщил Жолобову об изменении позиции Ягужинского и началом в связи с этим «ревизии» в Сибирском приказе, добавив весьма характерную фразу: «Анисим один прокурорит, да не тот»¹⁵⁷. Речь шла об

150. Сб. РИО, т. 103, с. 132. Видимо, сотрудничество не было безвозмездным: 4 ноября 1731 г. Кабинет министров отправил письмо гр. С.А. Салтыкову, которое касалось «трех тучков из Китая», полученных из Сибирского приказа, из которых один был на имя П.И. Ягужинского (Сб. РИО, т. 103, с. 477, 491). См. также: Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 572.

151. Сб. РИО, т. 103, с. 42; Петрухинцев, *Царствование Анны Иоанновны*, с. 55, 60; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 135, 389-390.

152. 8 октября 1733 г. зять А.И. Жолобова, кн. Федор Петрович Мещерский, писал ему: «Павел Иванович обретается еще в Берлине...» (РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 257).

153. Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 589.

154. Свадьба состоялась осенью 1724 г. В «Юрнале (или записке) впредь для памятования» за 1723-1724 г. под 1 ноября 1724 г. сделана следующая запись: «В 1 ... числе (в воскресенье) Его ж Величество изволили быть у обедни в Троицком соборе; в то же число, по полудни в 5-м часу, был брак генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского на дочери графа господина Головкина, венчались в Троицком соборе» (А.Н. Филиппов, *Один из неизданных «Юрналов» петровского царствования за 1723-1724 гг.*, Киев, 1912, с. 26). См. также: Агеева, *Императорский двор России*, с. 129-130, 244; Карабанов, *Гофмейстрины, статс-дамы и фрейлины*, с. 13.

155. Доношения А.И. Жолобова П.И. Ягужинскому см.: РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 691-692 об. (4.02.1733), 695-699 (4.10.1731).

156. РГАДА, ф. 248, л. 178, л. 252-253; Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 572.

157. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 390. О деятельности А.С. Маслова в должности обер-прокурора см.: *История правительствующего Сената за двести лет*, т. 1, с. 583-584, 603-607.

обер-прокуроре Сената Анисиме Семеновиче Маслове¹⁵⁸, который в первой половине 1730-х гг. оказывал постоянное покровительство А.И. Жолобову и при этом тесно контактировал с гр. М.Г. Головкиным.

«Милостивец» Анисим Семенович помогал А.И. Жолобову в разного рода служебных и личных делах еще до открытия следствия¹⁵⁹, с началом которого их связи резко активизировались. Находясь в Москве, А.П. Жолобова, должна была во всем «советовать» с Масловым. Несмотря на болезнь, которая, по словам А.С. Маслова, не давала ему быстро решить «эта дела плевая» о переносе следствия в Москву¹⁶⁰, обер-прокурор на определенном этапе смог повернуть ход расследования в благоприятную для Жолобова сторону¹⁶¹. Учитывая данный контекст, высока вероятность того, что и А.Ю. Бибииков, отслеживавший, как явствует из его переписки с Жолобовым, все изменения политической и административной конъюнктуры, и А.С. Маслов могли посоветовать Жолобову и напрямую, и через посредничество А.С. Сверчкова обратиться за помощью и покровительством к гр. М.Г. Головкину.

В начале 1730-х гг. Маслова и Головкина связывали дружеские отношения¹⁶²: это подтверждает факт участия Анисима Семеновича как одного из доверенных лиц со стороны Михаила Гавриловича в разделе наследства гр. Г.И. Головкина в 1734 г. (см. выше). В это же время они поддерживали постоянные контакты по службе и входили в целый ряд комиссий¹⁶³. Помимо этого Маслов лично хорошо знал Сверчкова, с которым был знаком еще с середины 1720-х гг. в связи с деятельностью уложенной комиссии¹⁶⁴. Вместе гр. М.Г. Головкин, А.С. Маслов и А.С. Сверчков (первые как члены,

158. А.С. Маслов был назначен обер-прокурором Сената 2 октября 1730 г. (ПСЗРИ, 1-е собр., т. VIII, № 5625, с. 327). О А.С. Маслове см.: Серов, *Администрация Петра I*, с. 56; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 122-124, 171-179, 187-195, 839-841.

159. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 299; Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 571-572).

160. РГАДА, ф. 248, кн. 170, л. 2 об.

161. Так, 9 августа 1734 г. последовала резолюция Сената на целый ряд предложений, касавшихся кадровой ситуации в Сибири и дела А.И. Жолобова (РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 66, л. 48-51 об.; *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве*, отдел I-й, том II-ой, № 2604, с. 127-128; Акишин, «Честь, служба и домашний быт российских дворян...», с. 590).

162. Их отношения разладились не раньше середины 1735 г. в связи с обвинениями в злоупотреблениях, которые А.С. Маслов выдвинул против гр. М.Г. Головкина (Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 841).

163. В 1733 г. А.С. Маслов и гр. М.Г. Головкин вместе входили в состав Комиссии о государственных железных и медных заводах. Она была образована именным указом от 23 мая 1733 г. До этого в апреле того же года им было поручено совместно заняться разработкой способов выгодного обмена серебряной монеты (ПСЗРИ, 1-е собр., т. IX, № 6411, с. 137; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. II, № 4587, с. 306; № 4608, с. 308; № 4636, с. 311; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 840).

164. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 9, ч. I а, л. 57 об. - 58.

а последний как секретарь¹⁶⁵) входили в следственную комиссию, которая в 1733-1734 гг. вела разбирательство по делу членов Монетной конторы, обвинявшихся во взятках и злоупотреблениях в связи с деятельностью компании И.В. Корыхалова, с лета 1731 г. занимавшейся переделом мелкой серебряной монеты. Как известно, одним из фигурантов дела был В.Н. Татищев: проведенное Головкиным и Масловым расследование подтвердило факт получения им различных подарков и взяток на общую сумму в размере 7 200 руб. В итоге именным указом Анны Иоанновны от 12 марта 1734 г. следствие было прекращено, а Татищев направлен на Урал. Со своей стороны, Василий Никитич считал виновным в данном деле гр. М.Г. Головкина, о котором писал в январе 1742 г. кабинет-секретарю И.А. Черкасову, что тот «невинно» разорил компанию передела мелких монет и «довольно» с этого «получил»¹⁶⁶.

Приведенные факты позволяют понять, почему Сверчков укрывал назначенных к отправке на Урал людей: фактически за спиной Авраама Степановича стоял гр. М.Г. Головкин, сложные отношения которого с Татищевым были общеизвестны¹⁶⁷. Близость к графу напрямую определяла степень неформального влияния Сверčkova, которое в данный период было таково, что позволяло ему, не опасаясь серьезных последствий, действовать вопреки сенатским указам.

Нахождение в статусе «конфидента» у гр. М.Г. Головкина имело прямой эффект не только на личную позицию Сверčkova в сложном конгломерате персональных сетей. Через доступ к ресурсам графа оно, в целом, детерминировало социальный вес и благосостояние и т.д. Авраама Степановича и его семьи. Приобретенный кредит и доверие влиятельного лица и следовавшие за ними новые связи и возможности увеличивали значение чиновника в административной системе и в тесно переплетенной с ней сфере неформальных взаимодействий и потенциально могли конвертироваться в ряд символических и материальных благ.

«Некоторое имя»...

Значимые для семьи А.С. Сверčkova изменения произошли в 1734 г., т.е. в том же году, когда его протекции и помощи искал находившийся под следствием А.И. Жолобов. В 1734 г. старшая дочь Сверčkova, Татьяна Авраамовна (она

165. Сб. РИО, Юрьев, 1901, т. 106, с. 243-249.

166. Цит. по: Юхт, *Государственная деятельность В.Н. Татищева*, с. 351; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 89-90.

О следствии см.: Юхт, *Государственная деятельность В.Н. Татищева*, с. 252-264; А.И. Юхт, *Русские деньги от Петра Великого до Александра I*, М., 1994, с. 81-88, 277.

167. Характерно, что весной 1739 г. по поручению Бирона гр. М.Г. Головкину «развел» «непорядки» и «неисправы» В.Н. Татищева, что положило начало второму следствию над В.Н. Татищевым (Попов, *В.Н. Татищев и его время*, с. 202; Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны*, с. 585-586).

родилась от второго брака в 1717 или 1718 г.¹⁶⁸), вышла замуж за прапорщика Суздальского полка Ивана Ивановича Юшкова. Примечателен сам факт женитьбы потомственного и родовитого дворянина на дочери обер-секретаря Сената, который свидетельствует о социальном капитале и влиянии Авраама Степановича. Отец И.И. Юшкова, Иван Степанович Юшков, был стольником; стольником при дворе царицы Прасковьи Федоровны был и дядя И.И. Юшкова – Андрей Степанович¹⁶⁹. Иван Иванович Юшков также начал службу при дворе: в 1728 г. он был определен в пажи ко двору Прасковьи Ивановны, в 1730 г. стал ее камер-пажом. На момент женитьбы на Т.А. Сверчковой Юшков был прапорщиком Суздальского пехотного полка, служа в котором нес адъютантскую службу, а также участвовал в различных военных походах¹⁷⁰.

Авраам Степанович и Иван Иванович, вероятнее всего, познакомились осенью 1731 г., когда после кончины царевны Прасковьи Ивановны Сверчков в течение октября-начала ноября занимался подготовкой и организацией похорон¹⁷¹. Брачный союз был взаимовыгодным: Сверчков приобретал родню среди родовитой аристократии, а Юшков – важный двигатель для служебного и социального роста. Это подтверждает карьера Ивана Ивановича, которая после женитьбы на Т.А. Сверчковой быстро пошла вверх и была связана не с полевой службой, а центральными государственными органами. В 1735 г. он был произведен капитаном в украинские полки ланд-милиции, а затем в 1735-1737 гг. служил экзекутором в Генеральном кriegс-комиссариате, Военной конторе и Военной коллегии, куда попал, скорее всего, не случайно. В феврале 1736 г. бывший членом Военной коллегии В.Я. Новосильцев¹⁷² возглавил Кriegс-комиссариат и мог способствовать назначению Юшкова¹⁷³. В 1737 г. Юшков получил чин майора, в 1740 г. был командирован в Глухов¹⁷⁴.

Гр. М.Г. Головкин имел прямое отношение к приданному, которое Т.А. Сверčkova принесла И.И. Юшкову. В этом качестве выступали «дворовое

168. РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 8663-8947, л. 185.

169. В.В. Руммель, В.В. Голубцов, *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, т. 2, СПб., 1887, с. 758.

170. РГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 3, л. 991-991 об.

171. РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 4, 14-17 об.; В 1733 г. после кончины Екатерины Ивановны Мекленбургской Кабинет запросил А.С. Сверчкова об «учреждениях», которые сопровождали похороны Прасковьи Федоровны и Прасковьи Ивановны (Сб. РИО, Юрьев, 1901, т. 106, с. 302, 310).

172. Подпись В.Я. Новосильцева как члена Военной коллегии в 1734-1735 гг. см.: *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве*, отдел I-й, том II-ой, № 2815, с. 190; № 2823, с. 191; № 2824 – 2826, с. 192-193; № 2833, с. 194; № 2838, с. 196; № 2842, с. 198; № 2856, с. 203; № 2861, с. 204; № 2866-2868, с. 206-207; № 2880, с. 210; № 2888, с. 212; № 2891, с. 212-213; № 2896, 2898, с. 215; № 2908, с. 218; № 2911, с. 219; № 2930, с. 224; № 2936, с. 225; № 2950, с. 229; № 2956, с. 230; № 2966, с. 233-234; № 2983, 2985, с. 238; № 3004, с. 243; № 3039, с. 252; № 3070, с. 260; № 3077, с. 262; № 3086, с. 264; № 3125, с. 274; № 3130, с. 275; № 3143, с. 278; № 3160, с. 282 и т.д.

173. РГАДА, ф. 248, кн. 624, л. 40 об.

174. РГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 3, л. 991; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. III, № 8008, с. 7.

место», находившееся в Москве в Проезжем переулке в приходе церкви Покрова Божия Илии, а также «некоторое имение»¹⁷⁵. Им являлись селцо Плоское и деревня Карачарово в Клинском уезде. Примечательно, что после опалы Головкина они были конфискованы, поскольку, по показаниям домоправителя вотчин графа Никифора Суровцева, их владельцем являлся Головкин, который через закладные передал их Сверчкову, а тот своей дочери¹⁷⁶. В июне 1743 г. с просьбой разобраться в ситуации И.И. Юшков обратился в комиссию, занимавшуюся описью имущества лиц, арестованных после восшествия Елизаветы на престол. В итоге земельные владения были возвращены¹⁷⁷.

После получения тестем чина статского советника, которое последовало по именному указу Анны Леопольдовны от 2 января 1741 г.¹⁷⁸, 11 марта того же года И.И. Юшков был пожалован в подполковники; в том же году он перешел на гражданскую службу и был пожалован в советники Счетной конторы при Военной коллегии¹⁷⁹. Если служебные успехи Авраама Степановича способствовали продвижению по службе Юшкова, то его арест и отставка никак не отразились на последующей карьере Ивана Ивановича. К этому времени он уже имел собственные достаточно весомые и значимые связи¹⁸⁰. И при Елизавете Петровне, и при Екатерине II карьера Юшкова продолжала идти вверх¹⁸¹, и если в 1730-е гг. его карьерный путь определяла близость к Сверчкову, то в 1740-е – 1750-е гг. положение зятя выступало в качестве фактора, детерминирующего поле социальных связей А.С. Сверčkova. Общась с близкими И.И. Юшкову представителями высшей администрации и аристократии,

175. РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 7, д. 22570, л. 271, 219 об.

176. О земельных владениях гр. М.Г. Головкина см.: П.К. Алефиренко, «Крестьянское хозяйство во владениях графа М.Г. Головкина в 40-50-х годах XVIII в.», *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник V. К семидесятилетию доктора исторических наук Виктора Корнелъевича Яцунского*, М., 1962, с. 132-162.

177. После смерти Т.А. Юшковой (ум. 1760) они перешли по наследству ее сестре, Анастасии Авраамовне, в замужестве Зыбиной (РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 7, д. 22570, л. 216 об. – 218).

178. РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 17 об.; *Опись высочайшим указам и повелениям*, т. III, № 8120, с. 19; *Сенатский архив*, т. 2, с. 363-364.

179. РГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 3, л. 991-991 об.

180. Babkova «Avraam Stepanovich Sverchkov», p. 630.

181. С 1742 г. И.И. Юшков служил в Юстиц-коллегии, затем — в Судном приказе сначала советником, затем главным судьей. В 1760 г., получив чин действительного тайного советника, Юшков стал президентом Камер-коллегии; в 1764 г. он был назначен Московским генерал-губернатором и занимал этот пост до 1773 г. (*Опись высочайшим указам и повелениям*, т. III, № 11660, 12068, с. 439, 492; ПСЗРИ, 1-е собр., т. XIV, № 10283, с. 201; т. XV, № 11478, с. 744; т. XVIII, № 13036, 13040, 13236, 13298, с. 409, 413, 808, 888; т. XIX, № 13616, 13747, с. 276, 426 и т.д.; *Сенатский архив*, т. XIV, Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль-декабрь 1764 года, СПб., 1910, с. 202; Руммель, Голубцов, *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, с. 759; Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov», p. 628-629).

Авраам Степанович поселился в Москве¹⁸², где осенью 1755 г. незадолго до смерти завещал большую часть своего имущества вновь созданному Московскому университету¹⁸³.

Заключение

Итак, какой тип отношений существовал между А.С. Сверчковым и гр. М.Г. Головкиным? Примечательно, что как извне, так и изнутри они описывались в категориях, напрямую ассоциируемых с доверием. Следовательно, вменяли Сверчкову в вину «конфиденцию», или «конфидентство», у графа; Авраам Степанович ее настойчиво отрицал и говорил об отсутствии какой-либо «поверенности»¹⁸⁴. В 1730-е гг. уже существовал и активно использовался целый ряд слов для обозначения неформальных связей. Слова «патрон», «клиент», «креатура», «свойственник» и т.д. являлись частью языковой практики и отсылали к определенному набору смыслов, которые были связаны с разными аспектами и степенями служебной зависимости, «домового подданства»¹⁸⁵, принадлежности к семье влиятельного лица и т.д.¹⁸⁶ Анализ последствий, которые в разнородных контекстах влекла за собой «конфиденция», действовавшая между графом Головкиным и Сверчковым, позволяет предположить, что данное понятие имплицитно включало все обозначенные выше нюансы. Войдя в языковой оборот под французским и польским влиянием в начале XVIII в., слово «конфиденция» и его производные выступали в качестве синонима «поверенности» и прилагались к отношениям, основанным на доверии и откровенности¹⁸⁷. Им была свойственна обоюдность и взаимность, которая параллельно разворачивалась в личной и публично-гражданской сферах.

На всех этапах своей карьеры А.С. Сверчков сначала как «конфидент» гр. А.А. Матвеева и А.В. Макарова, а затем гр. М.Г. Головкина был вплетен в плотную сеть неформальных связей, которая являлась неотъемлемой составляющей административных институций всех уровней. Несмотря на то, что преобразования первой четверти XVIII века, ставшие отправной точкой в развитии бюрократической (в ее современном понимании) системы в России,

182. Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov», p. 611, 622, 624-628.

183. РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 7, д. 22569, л. 34 об.; Babkova «Avraam Stepanovich Sverchkov», p. 609-611, 633.

184. РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 15, л. 27 об., 28; РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 317, л. 23, 34 об., 37.

185. А.В. Бекасова, *Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева: автореф. диссер. на соиск. уч. степ. к.и.н. (07.00.02)*, СПб., 2006.

186. *Словарь русского языка XVIII века*, СПб., 1998., вып. 10, с. 56-57, 152, 247; СПб., 2011, вып. 18, с. 243.

187. *Словарь русского языка*, вып. 10, с. 152; СПб., 2013, вып. 20, с. 97.

выдвигали отказ от любого рода неформальных связей в качестве обязательного условия «порядочного» управления государственными делами и эффективного ежедневного администрирования¹⁸⁸, дружба, «свойство» и «конфидентство» не могли быть полностью устранены из российской административной жизни. В условиях постоянного недостатка квалифицированных служащих и максимальной загруженности чиновников всех уровней правительству приходилось черпать кадры в весьма лимитированном кругу¹⁸⁹, в рамках которого личные знакомства позволяли быстрее аккумулировать имеющиеся ресурсы и таким образом оперативнее и качественнее реагировать на изменения государственной повестки дня. В результате правительство, хотя официально и приравнивало официально различного рода личные взаимодействия к уголовно наказуемой активности, в то же время было вынужденно мириться с их наличием, поскольку они оказывались полезны в осуществлении управленческой деятельности¹⁹⁰. Неформальные связи признавались легитимными до тех пор, пока они не вступали в противоречие с государственными нуждами и интересами. Это означало, что при изменении краткосрочного вектора и смыслового наполнения последних, происходившего при каждой смене власти, практически каждый чиновник мог быть обвинен в злоупотреблении властью в личных интересах и незаслуженном продвижении близких к нему лиц.

Солидарность и кумовство были присущи не только дворянству и выходили далеко за рамки семейных и родственных сетей как источников влияния на кадровые назначения. Как представляется, с той же степенью интенсивности личные связи (как вертикальные, так и горизонтальные) действовали на всех уровнях бюрократической лестницы, связывая между собой чиновников дворян и не дворян. Они были встроены в сложный конгломерат взаимоотношений как с вышестоящими, так и с равными себе по службе, текущая позиция внутри которого определяла карьерные стратегии и успехи. При этом для канцелярских служащих низшего и среднего звена главным условием для включения в неформальные сети и обретения статуса «конфидента» был высокий профессиональный уровень исполнения возложенных на них обязанностей. Как показывает история карьеры А.С. Сверчкова, именно он запускать процесс социальной мобильности и мог гарантировать надежный и

188. После Генерального регламента 1720 г. и Табели о рангах 1721 г. указанный подход был наиболее последовательно выражен в именном, объявленном из Сената, указе Петра I от 5 ноября 1723 г., который, ссылаясь на обозначенные выше законодательные акты, еще раз запрещал назначать на должности советников и ассессоров «сродников, или собственных креатур» Президента и коллежских членов (ПСЗРИ, 1-е собр., т. VII, № 4342, с. 145).

189. См., например, повеление Кабинета министров Сенату относительно членов счетной комиссии канцелярии от строения, в которой в 1737 и 1738 гг. из 4-х назначенных членов фактически работал только один, в то время как остальные «не всегда присутствовали за положенными на них Ея Императорского Величества другими делами» (Сб. РИО, Юрьев, 1906, т. 124, с. 473-474). Схожая ситуация наблюдалась и в уложенных комиссиях (См.: РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 8, л. 13; Сб. РИО, Юрьев, 1915, т. 146, с. 102-104).

190. Ransel «Bureaucracy and Patronage», p. 154-178 162-164, 166.

многолетний контакт с тем или иным высокопоставленным лицом, становясь залогом постепенного роста символического и материального благосостояния как непосредственного самого чиновника, так и его семьи.

Отношения «конфидентства», которые существовали между А.С. Сверчковым и гр. М.Г. Головкиным, были в равной степени интересны и выгодны для обеих участвующих сторон. Доверие со стороны лица, наделенного властью, давало «конфиденту» покровительство и связи и, как следствие, четкую позицию, минимизировавшую социальную сложность¹⁹¹. «Милостивый» патрон получал надежный источник сведений и дополнительный канал влияния: вместе они увеличивали его кадровый и служебный капитал и делали более информированным и, как следствие, более ценным в рамках государственной и управленческой системы. Высокий профессиональный уровень клиентской сети позволял, во-первых, быстро получать квалифицированный ответ на поступивший запрос власти, а во-вторых, в случае необходимости решения государственной задачи, которая не вписывалась в компетенции действующих органов и влекла за собой создание комиссии, проявлять функциональную гибкость и привлекать в нее опытные кадры.

У данного процесса была и обратная сторона. Высокая интенсивность неформальных связей и прямая зависимость положения «конфидента» от позиции его покровителя в системе чиновной, и шире – государственной иерархии при резкой смене политической конъюнктуры могла привести к самым негативным последствиям в двух плоскостях. Во-первых, личной: клиент терял свою должность и полностью утрачивал служебный статус, хотя его позиция в других социальных сферах могла оставаться прежней в силу обретенных семейных, родственных, дружеских и т.д. связей. Во-вторых, государственной. Отставка чиновника, в ведении которого находилось решение той или иной задачи, фактически вела к остановке работы в данном направлении и могла серьезно сказываться на эффективности всей административной системы. В этом отношении случай А.С. Сверчкова очень показателен: его увольнение со службы привело к сворачиванию деятельности уложенной комиссии и практически полностью блокировало работу по составлению нового кодекса права, который к началу 1740-х гг. был разработан, однако так и остался нереализованным.

*Школа исторических наук,
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Москва*

gbabkova@hse.ru

191. Дж. Хоскинг, *Доверие: история*, М., 2016, с. 13, 50.